

Нелюди и обезьяны

Отформатировано: слева: 5,08 см, справа: 5,08 см,
сверху: 2,54 см, снизу: 2,54 см

Пляшут высоко-высоко, на верёвке между шестами. Ещё и тряпичные цветы бросают и ловят. А внизу один у другого на голове — стоит на голове!

Кто лучше всех, даже не решишь. Сначала старик, весь чёрный и узорчатый, с длиннющей бородой, пропел величание. Древнее, не все слова понятны. Молодой господин Саруко уже научен некоторым заклятиям — но те проще.

Потом девушка платки перекрашивала. Подкинет — а он падает и из жёлтого делается синим. Любопытно, только музыка не подходит: слишком резкая.

Затем вышел пьяный царедворец. Челядинцы его ловили, он падал вправо и влево. Налетел на пустые бочки, те раскатились — а он как подскочит! Через голову назад, и прямо на бочонках стал плясать. Тут-то стало видно, что он совсем не пьяный, а наоборот.

Что значит «наоборот»? — спросил бы учитель. Молодой господин знает, только учителю этого нельзя. Не пьяный, а одержимый. Сам будто спит, а бог в нём играет. Наш, Обезьяний бог. Хорошо!

Остальные, наверное, волнуются: понравится ли Деду? По нему не поймёшь. Он как в личине сидит всегда, когда что-нибудь решает. Но по тому, как шевелится веер, похоже — доволен. Уж точно лицедеи лучше, чем давешние плясуны в шляпах. Тогда он чуть не заснул, хотя те тоже старались.

Гляди-ка, а этот — поднимается по двум жердям сразу! А они ни на чём не держатся. Прямо китайский небожитель!

Бабушки и мамы, конечно, не видно за занавеской. Но Бабушку слышно всегда: то ахнет, то ойкнет, то расхохочется, а то как рявкнет: аварэ! Госпожа Хоннэн рядом с нею каждый раз дёргается, полы платья из-под занавески свисают — и прыгают.

Торговец вышел с корзинками на коромысле. За ним Вожатый с Обезьяной. Стали прицениваться. Как

Торговец из передней корзины показывает товары, Обезьяна из задней что-нибудь тащит. Тот коромысло развернёт, посмотрит, глаза выпучит — куда девалось?

Ой, а это, в другой корзине — тяжёлое было! Коромысло как взлетит одним концом вверх! И все попадали, кроме Обезьяны. Ну, тут Торговец не стерпел, сейчас драться будут. Ох, нет! Вожатый кудесником оказался. Тот замахивается коромыслом, а он знаки руками делает. Обезьяна кувырнулась, а поднялась уже дамой. Во всём дворцовом уборе! Торговец кланяется, а сам смекает, что к чему. Тоже кудесник! Хлопнул в ладоши, Обезьяна, то есть дама, как покатила кубарем, только шелка вокруг летают! Как встала — а сама уже не дама, а здоровенный стражник с секирой! И задерживает обоих: и Вожатого, и Торговца. В участке разберутся!

Ох, хорошо!

Никто в доме Саруко не гогочет так, как господин плясовой распорядитель Гээн. Даже барабана не слышно стало.

И тут получилось обидно. Тот, который был царедворец, подходит к старику. Они, наверно, сын и отец. Старик сыну передал с великим почтением — что-то. Что-то в большом ларце под покрывалом. Но Дедушка подал знак: достаточно.

— Неплохо и весьма неплохо, — сказал. — До праздника допускаю. Только вот Обезьянка у вас... Переросток какой-то. Хотя для дамы — в самый раз. Обдумайте.

Лицедее кланяются, их старик благодарит Деда. Видно, что рад. А тот в первый раз взял — и улыбнулся:

— Награда за труды, награда за забавы!

Слуги выносят два свёртка яркой ткани. Господин Гээн откуда-то выкатывает целый бочонок — да не пустой, а с настоящей брагой. Из-за занавеса вылетает, сверкая на солнце, свёрнутое платье. Это от матушки или от госпожи Хоннэн? Твёрдой рукою брошено, понятно: кидала сама Бабушка! Торговец

ловко развернул коромысло, поймал платье корзиной.

Здорово, что всем понравилось. Только вот непонятно: как молодой господин покажет, что ему понравилось больше всех? Чтоб вышло прилично и величественно. А то когда-то давно, когда он был ещё маленьким господином, он едва не полез погладить одного плясуна. Едва успели перехватить: скверна!

Лицедеи — не люди, их трогать нельзя. Как заразных хворых, увечных и убийц. Это всё нечисто, жрецу запрещено. И чиновнику тоже. Хотя плясуны тоже для богов стараются, потому что весна. Люди будут рассадку в поле сажать, это для земли — как ранить. И чтобы легче рана затянулась, и чтобы рис не болел, веселее рос, под солнцем и под дождём — весною нелюди всегда пляшут.

Теперь-то он большой, молодой господин. Всё это знает. И у него даже есть... Вот именно!

— Пусть приведут моего коня — жалую за труды, за забавы!

Всё равно верхом он пока ездит не очень хорошо. А эти молодцы наверняка и коня плясать научат, если им монахи разрешат!

Стражник с топором прямо просиял от такой щедрости. Ну конечно, пусть ему теперь нельзя играть Обезьяну — зато он сможет быть настоящим Порубежным Воином, верховым! И это будет справедливо.

Только коня никто не ведёт.

Бабушка из-за занавеса произносит вполголоса — то есть так, что всем слышно:

— Вот ещё!

Господин Гээн сочувственно качает головою. Матушка молчит. А Дед взмахивает веером: все свободны! И лицедеи, кланяясь, уходят с дарами, со своей утварью и с непонятным ларцом.

Ещё два года назад молодой господин, может быть, зарыдал бы. Но теперь он уже важный чиновник, письмоводитель Обрядовой палаты. Так что он только

закрывает лицо рукавом. На всякий случай — даже обоими рукавами.

Намма-младший, письмоводитель Полотняного приказа

Учиться и применять изученное на деле — разве не в этом радость?

Кое-что, положим, изучить удалось. Вот и на училищных испытаниях оказался пятым в списке. Хотя и не самый знатный из школяров.

Приятно сказать: письмоводитель Намма, чиновник Полотняного приказа! А чем ты там занимаешься? Переписываю старые бумаги. Применяю к жизни правила правописания. Не зачислен ни в основной отдел, ни в сыскной, ни в архивный. И всё равно уже — действительная служба!

По годам слуга ваш тут младше всех. Не считая одного помощника рассыльного, но тот вообще без оклада.

По способностям — пожалуй, не из последних, скажем нескромно. Но по возможностям... Увы! По крайней мере в час Обезьяны, когда в глазах бумага с каждым новым листом всё желтее, а тушь зеленее с каждым знаком. И ни глотка со вчерашнего вечера. В присутствии нельзя: разве что воду, которая для мытья кистей. Бэ-эээ...

Но надо ж было вчера сложить стихи. Не школьные, а личные, на Облачной речи. Иначе неприлично. Довольно того, что бедный ваш стихотворец не знает точно, кому эти стихи. То есть — как зовут ту девушку госпожи Саруко, кому поэт обязан счастьем... Темно было.

А на трезвую голову любовные строки не идут. Весь вечер сидел, а теперь голова болит. Да ещё сослуживцы. Господин столоначальник здоровья ради всё жуёт. То чесночные перья, то травку «уйди-уйди».

Сыщик же Горо — сам угостился где-то на задании, а теперь подсаживается, сочувствует: как ты, мол? И ведь видит, какво мне! Не изблизи дышит, но бражный дух чувствуется отчётливо. Почему-то из всех семи отверстий головы нос к концу дня делается особенно чутким.

Действительно, пить в присутствии не годится. А терзаться похмельем, значит, можно? Скорей бы уж в настоящее дело! Разведать настроения служилых под видом дружеской беседы, проверить, не болтают ли крамолы по кабакам...

Обидно. Как будто батюшка сомневается, что я справлюсь. А пока он сомневается — и другие не вмешиваются: среднему советнику Намме виднее, на что его отпрыск годен. Ещё несколько месяцев — и все в Приказе сочтут, что способен я только грамоты перебеливать. Годами!

Таково долговечное воздаяние за единожды совершённую ошибку. Но мог ли сын не взяться за оружие, когда отцу его грозила опасность? Плохо, конечно, что я тогда промазал — и хуже того, едва самого батюшку не застрелил. Только он, по-моему, не из-за той стрельбы на меня смотрит, как на никудышника. Я-то с тех пор продвинулся! Из десяти целей восемь выбиваю, не меньше.

Одно дело — стрельбище, а другое — писарский закуток Полотняного приказа... И чего его тут все, даже начальство, именуют «закутком»? Есть же красивое китайское слово: «канцелярия»!

Зато теперь слуге вашему стало очевидно, почему говорят «разводить тушь собственными слезами». Пока страдаешь — она сохнет. Итак, что там на очереди?

На основании поступающих жалоб (смотри приложение первое) в край Охвостье направлены сыскные для произведения гласного расследования. Лучше бы сказать «сыскные чины», а «произведение» вообще лишнее. А жалобы-то где? Нету? Краевой уполномоченный отстранён до окончания дела. От

службы отстранён? Так бы и сказали. А то можно подумать, что от следствия. *Охвостный отряд Столичной стражи обнаружен в отсутствии. Отчёркнуто, исправлено между строк: в наличии не обнаружен. Подробнее смотри докладную записку седьмую.* Её тоже нет. В наличии не имеется. Зато вот есть *Особое мнение второго разъездного следователя.* Каков слог! *Почтительно молю принять во внимание: недостача в лекарственных припасах вменима местному краевому начальству была бы лишь с учётом того, что ставка лекаря, каковую Охвостье делит с Пещерным краем, оставлена ныне свободной ввиду нехватки обученных знатоков. Ибо сказано: к чему хомут, коль лошадь пала?* Хорошо, хоть не выписал это изречение до конца: *не до рвения, когда добродетель утрачена...*

А воровал-то уполномоченный изрядно. Список изъятого, в виде исключения, сохранился.

И как раз когда слуга ваш добил этот свиток, служебный день подошёл к концу. Средний советник Намма отправляется домой. И мне кивает: пошли.

В проёме Внутренних дворцовых ворот стоит господин Гээн. И между прочим, нас дожидается. Только — зачем бы это?

— И как успехи?

Господин Гээн знает, как: я уж докладывался позавчера. Нет, с тех пор заметно не продвинулся по службе. А кабы был уже уволен, господин плясовой распорядитель первым бы о том услышал. Всё-таки нынешний муж моей матушки.

Это под его руководством я готовился к испытаниям. Утром книги, днём стрельба, а по вечерам господин Гээн меня показывал кому следует. Своим влиятельным знакомым. Надо же завязывать связи! В свободной обстановке, за выпивкой и шашками. Всего-то два-три месяца назад...

Полотняный чиновник должен быть наблюдателен. А сейчас нетрудно заметить: господин

Гээн по-настоящему встревожен. И отнюдь не моими успехами.

— Знаете, что? — Говорит. — А не согласились бы вы посетить моё убогое пристанище? Прямо сейчас.

Значит ли это, что у них с матушкой моей — опять раздоры? И она, в свою очередь, сидит в доме Намма у моей мачехи и сестриц и рассказывает всё, что думает о грубой мужской сущности?

Глава сыскного отдела поднимает бровь. Как на допросе.

— Понимаете ли, — понижает голос господин плясовой распорядитель. — Есть дело. Важное, тайное, касается нас всех. И я поклялся, что не пророню об этом ни слова иначе как под сенью Обезьяньего дома.

Мы кланяемся и дальше идём уже все вместе. Батюшка, думаю, перебирает в голове: что это может быть за дело? Я даже не пытаюсь, всё равно данных недостаточно. Не мог же я, в конце концов, с той давешней особой... Скажем, перепутать? А вдруг это не служилая девушка была... а страшно молвить, кто!

*В утренней дымке цвета, очертания —
смутно-прозрачны.*

Даже не зная, кто ты, я не забуду тебя...

Господин Гээн, однако, знаток вежества, и даже дома к делу сразу не переходит. Подают брагу, закуски. Дружно всходы зазеленели в этом году!

И всем не по себе.

Придётся мне, письмоводителю, явить юношескую непосредственность:

— И что же такое касается нас всех?

Господин Гээн помавает в воздухе длинным пальцем, устремляя его в разные стороны:

— Пропал мой родич. Пропал Государев служилый человек. При обстоятельствах... смущающих. И если не найти его прежде, чем слухи о поисках дойдут до господина заместителя главы Обрядовой палаты...

Дед придёт в смятение. А это — опасно для Державы!

Глава нашего старшего семейства, Конопляный господин, для младших родичей — просто господин Асано. Наш с батюшкой начальник тоже Асано, но уже с уточнением: Асано-средний из Полотняного приказа. А в доме Саруко старший Обезьянец для всех Дед: и для ближайшей родни, и для младшей вроде Гээнов.

— Весенние пляски? — спрашивает батюшка.

Господин Гээн прикрывает глаза.

Обрядом, но не насилием управляется Держава. Не удадутся пляски — значит, неурожай. Это и вообще плохо, и тем более в начале нового царствования.

— Разрешено ли будет узнать имя и должность пропавшего? — отец уже начинает злиться, что родич тянет с исходными сведениями.

— Вообще говоря, строжайше нельзя. Но раз уж другого выхода нет, коли уж я к вам обращаюсь... Чин его десятый. Должность — письмоводитель Обрядовой палаты. Прозвание... Ну, Саруко, разумеется!

Хм-м...

Таких, как я, в десятом чине выпускают из Училища. Саруко — из высшей знати, их отроки обучаются дома, и выслуга у них идёт с малолетства. То есть...

— Внук господина заместителя главы палаты? — спрашиваю прямо.

— Увы! — господин Гээн всплескивает рукавами.

— Именно так!

— Сколько лет письмоводителю? — деловито уточняет батюшка.

— Семь. Драгоценное дарование!

— Не сомневаюсь. При каких обстоятельствах исчез?

Гээн раздражённо фыркает:

— При глупейших. Молодой господин изволил кататься в носилках. Вместе с госпожой Хоннэн, вам известной. Углядел пирожника, заявил: кушать хочу. Пока госпожа Хоннэн пробовала эту уличную отраву,

Обезьяныш куда-то делся. Домой не возвращался. Ищем четверо суток, нигде его нет.

— Мальчик знает город?

— Кто ж его разберёт. Я в его годы знал. Его самого особо не выпускали.

Впрочем, иные и с годами не остепеняются. Вот зять мой до сих пор чуть что — в бега. А ведь тоже знатнейшего рода. Дурной пример для юношества сработал?

— Не понимаю, — говорит господин следователь.

— Было не меньше пяти свидетелей. Госпожа Хоннэн, носильщики. Это не считая пирожника. И прохожих. На которой улице это всё произошло?

— Вторая улица, поворот к Вороньему переулку. А ты думаешь, всё-таки похищение?

— Пока сложно что-то думать. Предполагаю, что семилетнее дитя само далеко бы не убежало. Свидетелей допросили?

— Да, только без толку, — машет рукой Гээн. — Тут я и имел дерзость предложить... Мы-то сами не сыщики. А вы бы — по-родственному, негласно...

Нехорошим оком смотрит батюшка на свояка. Вы, Обезьянцы, значит, между собой договаривались: доверить ли дело Наммам. И заняло это у вас четыре дня, все следы простыли.

Таких вот малых детей, хоть и при чинах, обычно Полотняный приказ не выслеживает. За ними вообще-то родня должна смотреть, вплоть до совершеннолетия.

Малыша Обезьяныша я встречал тут в доме. Саруко ведь живут все вместе: и старшие, и младшие. Этот письмоводитель — не то чтобы спесивый отрок. И не шалун. Занимался в основном со своим наставником, пока я тут был. Тот, конечно, дядька занудный, но не такой, от какого на край света сбежишь.

— Что ж, — говорит отец. — Тут ты прав. Гласное расследование неуместно. Но если я этим делом займусь в частном порядке, я должен буду сам опросить всех причастных.

— Бабушка согласна, — только и отвечает Гээн.
Это значит: никто из домашних не посмеет уклониться.

— Жаль, я не видел самого мальчика, —
задумчиво говорит господин следователь.

Тут самое время мне вмешаться:

— Но я-то его прекрасно знаю! Будем работать
вместе.

*Намма-старший, следователь Полотняного
приказа*

Плясовой распорядитель Гээн помчался собирать
домашних для расспроса. Отец и сын Наммы пока
любуются садом.

— Одного не понимаю, — начинает
письмоводитель. — Я же тут был позавчера. И всё было
спокойно. Никто никого не искал.

— Ещё надеялись разобраться сами, без
посторонних?

Да ведь младший Намма здесь не совсем чужой.
Сын госпожи Гээн, если не родич, то свойственник. При
нём таиться не стали бы?

— Или, — рассуждает письмоводитель, — по два
дня молодой господин уже гуливал, это ему разрешают.
И только на третий день его хватились. Или, хоть я его и
не видел, но он тут был. А нам говорят про четыре дня,
чтобы страшнее было.

Подобные преувеличения, увы, не чужды дому
Обезьян. Потом окажется: не мальчик, а девочка, не
семи лет, а семнадцати, не пропала, а с кавалером
сбежала, да и то недалеко...

В отсутствие хозяев дома следователь позволяет
себе нахмуриться.

Появляются четверо крепких молодцов. Куртки
цветов Саруко распояской, поножи на босых ногах,
тряпичные жгуты поперёк лбов. Чётким, слаженным
движением бухаются на колени:

— Прибыли по распоряжению господина распорядителя! Ни в чём не виноваты, готовы отвечать!

— Это вы четыре дня назад тащили носилки с молодым господином?

— Было дело, — соглашается самый широкоплечий из молодцов. — Да и до того доводилось их милостей носить.

— Беда-то какая, — причитает его сосед плаксивым голосом. — Хороший такой был, спокойный, лёгонький!

— А ты не зловещай, — обрывает его третий. — Беда уже или ещё не беда — это хозяевам решать. И вот, этим господам.

Четвёртый помалкивает, только зыркает исподлобья.

— И как было дело? — спрашивает средний советник. — С выхода из усадьбы излагайте подряд.

Излагать берётся третий, рассудительный.

— С утра пораньше велели быть готовыми: молодой господин да госпожа изволят отправиться на прогулку. Мы — что, мы всегда готовы! Часа через два они собрались, погрузились, ну, мы и тронулись. Ко Дворцу. Там постояли, подождали, пока поверху стены караул пройдёт. Молодой господин полюбовался. Потом на запад повернули. Там новые усадьбы: госпожа смотрела, у кого какие цветочки за заборами. И песню спела.

— Что за песня?

— Не помним, — говорит широкоплечий. — Мы-то не певцы.

— Что-то жалобное, — отмечает плаксивый. — Словно чуяла...

— Заходили ли вы в какую-нибудь усадьбу?

— Никак нет. Это не в гости, это прогулка была.

— Подходил ли кто-нибудь к носилкам, поздороваться, скажем?

Носильщики вспоминают, советуются. Рассудительный говорит:

— Вроде бы нет. А вроде бы... Какой-то господин нам то и дело попадался. Но близко не подходил.

— Что за господин, как выглядел?

— Мы его толком не видели. Носилки у него не казённые, домашние, занавеси полосатые. Полосы ровные зелёные — и полосы в черную клеточку. Носильщики — деревенщина, по улице шлёпают, как по полю заливному. Мы их не знаем.

— А точно это был господин, а не дама? — любопытствует Намма-младший.

— Точно. Носилки узкие — у дамы бы подол свешивался. Дальше наши господа на округу смотрели. Там ко внешней стене если подъехать, есть такая площадка. Далеко видно за город: храмы, башни... Там госпожа ещё песню спела.

Площадку эту следователь Намма представляет. По сути это тоже башня: сторожевая, на случай обороны городских стен. Сейчас туда лазают все кому не лень, даже носильщики с носилками. Оттуда открывается пригородный вид: склады разных дворцовых служб, за ними трущобы, дальше по берегу речки — храмы Целителя, Чистой земли, Облачной рощи.

Снизу прекрасно видно, кто на площадке стоит. И из города видно, и снаружи.

— А там никто к вам не подходил?

— Не-е. Только после песни один сунулся было... Превосходно, говорит, превосходно! Госпожа велела разворачиваться и спускаться.

Ценителя стихов они описать тоже не могут.

— Мы ж не соглядатаи, а носильщики! — бубнит широкоплечий.

Дальше начинается самый важный участок пути. Следователь то и дело переспрашивает, уточняет, плаксивый носильщик совсем перепугался и скис. Получается: дальше они двинулись на юг от новых усадеб, до Второй улицы, на неё и повернули. На углу Вороньего переулка навстречу попался разносчик —

похоже, настоящий, не ряженный. Молодой господин заявил, что голоден. Носилки встали, разносчика госпожа окликнула и взяла у него пирожок на пробу.

— Ну вот пробовала, пробовала, потом решила, что можно такой дать молодому господину. И как завизжит!

— Почему?

— Ну так, барич-то сгинул!

— А вы видели, куда он делся?

— Никак нет, — отвечает рассудительный. — Мы ж вообще в другую сторону смотрели. Посудите сами: госпожа пирожок кушает, неровён час — увидим её в лицо! Неприлично! Мы и отвернулись.

Не носильщики — клад для похитителей!

— Дальше!

— А что дальше? Госпожа хотела нас послать по всем окрестным закоулкам на розыски. Но мы ж не сыщики, нам носилки бросать никак нельзя! Так что поехали с нею. Два часа искали. Как в воду канул!

Где искали — это им пришлось пересказать во всех подробностях. Получается — всюду по округе, где можно пройти с носилками. И больше из них ничего не выжмешь.

Когда молодцы уже откланялись, четвёртый, молчун, разверз наконец уста:

— А пирожок-то так и остался там лежать, недокусанный. С бобами! Э-эх!

Письмоводитель хотел было поделиться своими соображениями. Но не успел: Гээн просил пожаловать в дом для беседы с госпожою Хоннэн.

Уселись перед занавесом, приветствовали.

Об этой даме следователь в недавнее время много слышал от своих жены и дочери. Женщины семьи Намма вместе с нею работали над повестью для Государыни-матери. Госпожа Хоннэн — лет двадцати с небольшим, слывёт покорительницей сердец. Весьма искусна в стихосложении. А также большая растрёпа и

растяпа. Если не по давним семейным правам Хоннэнов – непонятно, почему именно такую особу назначили в няни внуку господина Саруко. Кормилицей она точно не служила: своих детей у неё нет и не было.

Голос у неё из-за занавеса — благозвучный, отвечает с запинкой, но дельно. Весь путь описывает примерно так же, как носильщики. Встречного в носилках с полосатыми занавесками она не заметила, ценителя пения не опознала (во втором случае, похоже, врёт). Зато пирожника описала во всех подробностях.

— Причудливо одеваются и говорят эти простолюдины!

— Госпожа подозревала, что угощение могло быть отравлено? — любопытствует Намма-младший.

— Да что вы! Но мало ли что они туда кладут... Вдруг что нечистое? Это не женского ума дело, однако... Сам понимаешь...

Мальчик Саруко — юный жрец. В Обрядовой палате даже письмоводитель должен соблюдать чистоту. В урочные дни ему нельзя вкушать ни мяса, ни рыбы. Вовсе никогда нельзя касаться крови и мертвечины. Бобы есть можно вроде бы. Но вопрос: достаточно ли женского ума, чтобы распознать скверну на уличном торговце? Как и на прочих встречаемых в городе. Сомнительное дело!

— Благодарим. А далее?

За занавеской шуршит шёлк — видимо, дама всплёскивает руками:

— *Есть Обезьянка. А только оглянешься — нет Обезьянки! Нынче в родимом лесу, как и в Столице — весна!*

Письмоводитель раскрывает рот, а старший советник неучтиво кхекает. Только не хватало — ловить обезьян в их родной среде! Мы следователи, но не следопыты. Разве что девица Рю...

Выдав стихи, дама наконец зарыдала:

— Госпожа Бабушка во всём винит меня. Но я правда не представляю, куда он мог деться! Мальчик в

эти дни был такой грустный... Я собралась покататься, он попросился со мной. Старшие разрешили. Кто же знал...

Учитель юного Саруко — человек уже немолодой, за сорок. Негустая борода, глаза на выкате, и в глазах — растерянность. Хотя обычно, видимо, он мужчина степенный и важный. Прошёл обучение за морем, в державе То — лет двадцать тому назад.

И ведь не спросишь его: «Куда ж ты смотрел?» Чужой челядинец — недопустимо!

— Хотелось бы услышать подробности о молодом господине от наиболее осведомлённого лица, — выговаривает следователь Намма, помедлив. — Привычки, склонности, приметы воспитания...

Что до примет внешности — явные из них уже описал Намма-младший, а тайные — няня. При этом она заливалась слезами, рыдая и сетуя: ох, госпожа её теперь в землю закопает! Неясно, живой или мёртвой. И которая госпожа — старшая или младшая.

Наставник с готовностью кивает:

— Способнейший отрок! И не склонный к лености. Почтителен к старшим, избегает недопустимых препирательств. Не чужд любознательности — что я назвал бы свойством семейным. Уже успешно разобрал «Книгу семейной почтительности»...

Звучит всё это у него — как надгробное похвальное слово.

— Дозволь осведомиться, — спрашивает вдруг письмоводитель, — а он правда любит бобовые пирожки?

— Пирожки? Вот уж не знаю... Угощение не для юноши из столь почтенного дома... Вот свежие плоды — это да, к ним он питает пристрастие. И — орехи! В этом отношении он даже не всечасно умерен, вынужден признать.

Это мало что даёт.

— Часто ли молодым господином овладевал голод

в неурочную пору?

— Чаще им овладевает сон. Мы занимаемся обычно во второй половине дня, после еды. Утром — урок господина заместителя главы Палаты, или кого-то из его помощников. Обрядовые науки. И я бы не призывал отрока пронзать бедро шилом бодрости ради... Всё-таки он слишком загружен. По сути дела, две школы вместо одной. Происхождение обязывает, однако трудно требовать невозможного.

— А часто ли, — продолжает следователь, — ему доводилось отправляться на прогулку при такой загруженности? И как обычно он это делал — один, в сопровождении слуг, родичей, с тобою вместе?

— Я не сторонник суждения, что знания лучше усваиваются на ходу, — сурово качает веером учитель. — Да и немалой докукой было бы для отрока постоянное пребывание в обществе одного лица. Иногда — с прислугой, иногда — с кем-то из младших родичей. Но не со мною. И, надеюсь, всё же не один.

В общем, чем мальчик занимался вне уроков — вопрос не к наставнику.

— А в последнее время — не читали ли вы с ним каких-нибудь рассказов о знаменитых путешественниках, отшельниках, о красотах Западной Столицы или иных дальних мест? Что-то такое, что могло бы поманить в странствия?

— Южную и Западную столицу ему, конечно, доводилось уже посещать. Там у него дядья служат. Что до краёв более отдалённых... Пожалуй, он проявлял определённое любопытство к слонам Индии и тиграм Китая. Но отрок достаточно образован, чтобы знать: страны эти отделены от нас морем.

Вот только не хватало, чтобы мальчишка добрался до моря и попытался проникнуть на какую-нибудь ладью. Впрочем, пока он никак не мог этого успеть.

— И в последние дни молодой господин проводил время так же, как и обычно?

— В целом — да. Ну, если не говорить о подготовке к Весенним пляскам. Господин заместитель главы Палаты счёл необходимым, чтобы его внук присутствовал при отборе всех этих певцов, плясунов и лицедеев... — кажется, учитель от этого не в восторге. — А непосредственно перед печальным происшествием — ничего особенного, отрок был даже более обычного тих...

— Это из-за лошади? — встревает письмоводитель Намма.

Отец строго косится на него, но вопроса не отменяет. Наставник, похоже, почувствовал облегчение:

— Ах, так вы уже знаете... Да, этот случай тронул его сердце. Показательно: все поступили совершенно правильно — и никто не остался доволен! Ибо сказано: добродетель — сама себе награда, и не ждите от плодов её сладости.

— Благодарю, — кланяется следователь прежде, чем сын его успел ещё что-то уточнить. — Последний вопрос: насколько господин письмоводитель грамотен?

— Достаточно для своих лет.

— Почерк его опознать сумеешь, если понадобится?

— О, разумеется. Это же — мой почерк!

Намма-младший, письмоводитель Полотняного приказа

Господин Гээн хотел нас отправить домой в носилках. И тогда, мол, мы могли бы не торопиться, а посидеть ещё... Но хватит с нас носильщиков на сегодня.

Идём пешком. А по краю улицы лопухи топорчатся мне по колено. Весна в разгаре! Кое-где в Столице и леса не надо: дитя семи лет и в траве могло бы спрятаться.

Миновав забор Обезьяньего дома, батюшка взмахивает рукавами:

— Похоже, ты знаешь об этом деле больше меня. Не изволишь ли поделиться сведениями?

С таким видом, будто это я ребёночка похитил. И съел. На всякий случай, у меня свидетели есть, я на службе сидел в означенное время.

— Так я же тебе весь вечер пытаюсь объяснить!

Обезьяныша обидели, это я знал. Просто не думал, что настолько. Он лицедеям каким-то хотел пожаловать своего коня, а взрослые запретили. Если, мол, тебе что-то подарили, это не значит, что подарок — твой. Благодарен будь, а распоряжаться не моги. Всем когда-нибудь такое объясняют. Вот когда князь И получил от князя У драгоценную колесницу, тоже думал, что теперь может с нею делать, что хочет. Уступил покататься своему временщику. А князь У прогневался и пришёл уже с тысячей колесниц. И всё закончилось прескверно.

Отец хмурится:

— Ты думаешь, он сам сбежал?

— Вполне допускаю такую возможность, — рассудительно говорю я. — Надо проверить: возле того перекрёстка много ли мест, где семилетний паренёк может спрятаться, а носилки не проедут?

— Завтра проверим, — кивает средний советник. — Но даже если так, это не значит, что его потом не украли. Раз уж ты так хорошо знаешь их семейные дела... А кто, собственно, отец юного господина?

Хороший вопрос.

— Понятия не имею. И не только я, но и матушка, и господин плясовой распорядитель, и все в том доме, по-моему. От кого-то молодая госпожа родила. Тайно. Но Дед не позволил отослать младенца в имение, стал воспитывать у себя. Госпожа Бабушка говорит: не важно, кто отец, раз дитя пошло в материнскую родню. Так мне передали. А догадки строят разные. От царевича Оу — и до разных сомнительных личностей,

чему я, впрочем, не верю.

— Дома составишь список, — велит бабушка. — Не пренебрегая кавалерами, проникавшими в дом под видом пирожников, гадалей или лицедеёв.

Насчёт лицедеёв я и сам уже подумывал. Они, конечно, нелюдь. Но, во-первых, могли заметить что-то. Во-вторых, могли подстроить исчезновение. Если на помосте можно на виду у всех зрителей куда-то деть целый остров с журавлями, то можно, наверное, и на улице спрятать ребёнка семи лет. И в-третьих, коли уж речь зашла об отце: попасть в дом Саруко нежеланному гостю сейчас проще всего, въехав туда верхом на обруче. Или войдя на руках.

Дошли до дому — и всё как обычно. Тайное дело, как же! Через час после ужина его уже обсуждают все женщины нашей семьи.

Мачеха перебирает кавалеров семи-восьмилетней давности. Сестрица прикидывает всех возможных похитителей — и что они могут учинить с дитятею. А её служанка, дикарка Рю, сразу заявила:

— Раз он из Обезьян — надо искать на деревьях.

— Ты лучше выясни, — откликается бабушка, — кто у нас ездит в носилках с зелёно-клетчатыми полосами на занавесках. Кстати, ты сама-то любишь пирожки с бобами?

— За моих знакомых разносчиков я ручаюсь. Они на такое не пойдут. Был бы этот паренёк немного постарше... или девицей...

И пошло, и поехало...

Пропускать присутственные дни вообще не положено, в начале же службы — сугубо. А жаль!

Список возможных отцов Обезьяныша я написал и поднёс бабушке. Тот прочёл, одобрил и сказал, что займётся ими сам. Ну и ладно.

Зато по дороге в Приказ мы осмотрели тот перекрёсток. Пирожника там не обнаружили, и всё равно не зря сходили. Бабушка нарочно остановил

наёмные носилки, и мы четверть часа прикидывали, что могло произойти. Получается: пока госпожа Хоннэн проверяла чистоту пирожков, подойти к носилкам с другой стороны незаметно для неё и украсть дитя, конечно, было можно. Но носильщики бы заметили. Хотя, конечно, может, и они подкуплены. Или вообще все участники происшествия — в сговоре. Если бы меня пытались похитить, я бы, наверное, точно подал голос. А уж Обезьянцы это умеют куда звучнее, чем мы.

Но если похитителя никакого не было, а отрок сам выскользнул наружу, когда носилки стояли на земле... Или залез на плетёную крышу, если их на весу держали, и залёг там, а потом спрыгнул... В общем, сбежать он мог вполне. От того места, где вроде бы стояли носилки, до ближайшего уличного нужника — два шага. Ну, три для семилетки. Спрятался, дверцу закрыл — а на плечах у носильщиков туда точно не въедешь. Мог спокойно переждать, а потом выбраться.

Спрашивается только: зачем ему всё это? И куда он потом делся?

Мы, на всякий случай, проверили. Трупа в отхожем месте нет.

К счастью, в Приказе сегодня никаких бумаг по пачкам раскладывать не требуется — только переписывать один в один. Голова при этом свободна, как у опытного чиновника. Можно всё обдумать.

Если начать с самого худшего. Так обидели молодого Саруко, что жить невмоготу стало. Мог ли он удавиться, утопиться, зарезаться? Наверное, мог — но тогда тело бы уже обнаружили. Или рекою снесло?

Нет. Если уж кончать с собою от обиды — то так, чтобы все обидчики раскаялись, а не незаметно. Или хотя бы письмо оставить. Кстати, если оставить — тогда даже не обязательно и вправду топиться. Но письма в любом случае тоже не нашли. Скорее всего, жив.

Далее: кража врагами Обезьяньего дома. Или негодяями, чающими сорвать Весенний обряд. Какими-нибудь обиженными плясунами, чье искусство

Дед Саруко недооценил. Плясунов надо будет проверить всех!

Дитя могли похитить работорговцы. И увезти куда-нибудь на реку Сумида. Только как же они не поняли, что ребёнок — из знатного дома? И что продавать его выгоднее здесь же, в Столице, его собственным родичам?

Впрочем, для такого не надо быть работорговцем. Кто-то, желая выслужиться перед Обезьянцами, подстроил исчезновение мальчика, а тот не голосил, потому что знал этого человека. А может, и подыгрывал ему. Дальше все ищут, тревожатся, оплакивают — и тут похититель предъявляет целого и здорового отрока. Благодарность Саруко безгранична!

Отец, кто бы он ни был, мог сына и не красть. Обезьяныш прочёл книгу о почтительных детях и сам пошёл искать себе родителя. Может быть, даже уже имел кого-то на примете. Пробрался в усадьбу, подстерёг того господина наедине и почтительно приветствовал. Давай, мол, я ради тебя тигра победю. Побегу. Поборю. Ничего себе положение! Я бы не удивился, если за четыре дня родитель ещё не придумал, как с этим быть.

Я тоже почтительный сын. Только в последнее время господин средний советник не очень-то любит, когда для него побеждают тигров. Или хотя бы бамбук извлекают из-под снега. Вид такой, будто сам господин Намма этот бамбук закопал в сугробе для своих надобностей, а тут, как назло — преподносят...

— Проверку лицедеев, — говорит он, — наверняка уже ведёт их начальство. Ознакомимся с их успехами — тогда посмотрим. Я сейчас ухожу, если вернёшься домой раньше меня, предупреди, что задерживаюсь.

И был таков. Даже не объяснил, кого пойдёт допрашивать. А ведь наверняка — по нашему общему делу!

После службы домой я тоже не тороплюсь. Есть не хочется, тем более что для начала я решил проверить пирожников. У меня ещё не вполне получается батюшкин ледяной взор, но тратиться уже не нужно — почтительно подносят угощение и с облегчением вздыхают, когда я, надкусив пирожок, не обнаруживаю внутри пропавших казённых грамот или Государевых сокровищ. И показания дают охотно. Ни один из четверых встреченных мною пирожников в урочное время на том перекрёстке не был, зато каждый назвал имя своего товарища, который наверняка околачивался именно на углу Вороньего. Все четыре имени — разные, я записал. Каково, однако, соперничество среди простолюдинов!

И всё же сдаётся мне, что кто-то из Обезьяньего дома мог быть замешан в исчезновении молодого господина. А значит, полностью полагаться на их проверки — неразумно. Надо бы взглянуть на лицедеев самому.

Восхожу на башню. Ту самую, где были госпожа Хоннэн с мальчиком. Оттуда не так-то сложно прыгнуть вниз, за городскую стену. Если что, обратно меня и через ворота пропустят, я думаю. Только не надо соваться к большим воротам, Западным, а тем паче Южным, а пройти через хозяйственные, позади дворца.

*В мирное время стены поросли травой,
В тихие годы спит спокойно часовой.*

По-китайски стихи писать проще.

Нелюдский посёлок где-то тут, под берегом реки. С башни сам его не было видно — только храм, что покровительствует убогим.

Однако запах уже чуется. Коптят что-то или дубят, я в этом не разбираюсь.

Ого, сколько же тут народу! Река от обрыва, оказывается, дальше, чем я думал. А между кручей и водою на полторы сотни шагов — сплошные крыши да

навесы. Вечер, костры везде горят, стряпается что-то. Даже не считая мастерских с чёрным дымом, обычных очагов — больше трёхсот на самую грубую прикидку. То есть тысячи две-три нелюдей? И как их всех опросить?

Самый маленький огонёк движется ко мне, вверх по откосу. Вроде бы обычный, не лисий.

Он в глиняном фонарике. Фонарь на блюдце, блюдце крутится на палке локтя в два длиной. За палку держится нелюдь моих примерно лет. Чудное лицо: конечно, не набелённое, как у приличных людей, но и не просто загорелое, как у крестьян, а всё в разноцветных пятнах. Кажется, краска, а не язвы. И среди них щурятся глаза.

— Эге! — Он кланяется нагло, не преклоняя колен. Честно говоря, здесь и негде их преклонять: он стоит на уступе в ладонь шириною.

— А ты ведь, господин, из Полотняных будешь?

Хорошо: в должностном платье он разбирается. Сдержанно киваю.

Он ухмыляется и продолжает крутить своё блюдце. Вправо-влево.

— Долго ты так можешь? — спрашиваю.

— Пока масло не прогорит.

Он без штанов, одет в конопляную рубаху с узкими рукавами. Вроде, парень, а голос какой-то тоненький. Не от болезни ли? Но масло и по запаху конопляное, наше. Дым должен, я думаю, защищать от заразы.

— Тебя как звать? — спрашиваю.

— Блошкой. А ты сам только вопросы задаёшь, отвечать не умеешь?

Иной бы поставил нахала на место. Но я веду расследование.

— Я ищу одну обезьянку.

— Этого добра у нас хватает, — скалится он, — а тебе какую? Беленькую, самочку?

Возьмём к сведению: чиновники из Дворца ходят сюда за грязными утками. Серьёзно продолжаю:

— Детёныша, маленького. Пропал у одной знатной дамы несколько дней назад. Она очень тревожится.

— А ты у ней на побегушках?

Этот Блошка ещё и хихикает. А потом вдруг куда-то убирает ухмылку. Вытягивает шею и шепчет:

— Можно поискать. А кто найдёт, тому чего будет?

— Без награды не останется. В пределах разумного, — отвечаю равнодушным голосом. А то ещё заломят цену...

Он вскидывает палку, фонарь слетает вместе с блюдцем, падает ему прямо в ладонь, но всё ещё горит. Блошка спрашивает:

— Сыщика Намму знаешь? Из вашей же управы?

Хорошо, что я стоял не на самом краю!

— Знаю, — цежу сквозь зубы. — В Приказе его все знают.

— Господин сыщик теперь, наверно, в больших чинах. — Парень уже совсем не кривляется, говорит задумчиво. — Ты знаешь, десять лет назад приказные засудили одного честного человека. А господин Намма уже тогда сомневался, я знаю, хоть и ничего не сказал. Ты можешь разведать: через него можно это дело как-то пересмотреть? А то несправедливо.

На господина Намму это похоже: не уверен — молчи. Или обсуди дома. Только десять лет назад он со мною обсуждал ещё меньше, чем сейчас.

Но, похоже, это вернее, чем если бы денег просили.

— Что за дело? И что за человек?

— Называется «дело о двойнике среднего советника из Палаты казённых работ». Как того советника сейчас зовут, я не знаю. Засудили всё равно не его.

Дело-то посмотреть можно, и даже батюшку спросить. Только Полотняный приказ своих решений не пересматривает. Впрочем, Блошке это знать не

обязательно.

— Хорошо, разведаяю. И ты разузнай насчёт обезьянки.

— А то! Найдёшь что — приходи сюда же и встань так же, столбом. Я сразу замечу и подойду.

Загасил фонарик и скатился вниз — я даже не разглядел, как.

Намма-старший, следователь Полотняного приказа

Средний советник Полотняного приказа называет себя привратнику в усадьбе на Первой улице. Старик глядит с опаской:

— И ты тоже, господин следователь?

— Что я «тоже»?

— Стихи принести изволил?

Какие стихи? Ах, да, конечно: для изборника. Царевич назначен составлять собрание стихов по итогам прошедших трёх правлений. Несут ему сейчас кипами: и свои сочинения, и что осталось от отцов и дедов...

Намма успокаивает: какой из меня поэт... Старый привратник сразу оживился, пригласил пройти в дом. Хозяину, царевичу Оу, будет доложено при первой возможности. А пока пожалуйста выпить и закусить.

Дитяти в доме не слышно. Нет и признаков того, что мальчика срочно стали прятать.

Сегодня для Наммы приказные чиновники проверили негласным порядком всех предполагаемых отцов Обезьяныша. Всё это служилые господа: было одно исключение, слепой костоправ, но он, как оказалось, уже год как скончался. Об остальных несложно узнать, были ли они в присутствии в то утро, когда пропал младший Саруко. Царевич вот не был.

Слуги с гордостью отвечают на расспросы следователя. Да, все дни теперь господин Оу проводит в

усадыбе. Ночами столь же неизменно отсутствует. Возвращается — с рассветом. Или чуть позже. Царевич неувядаем: воротится, сложит стихотворение, отошлёт даме, поспит часа два-три — и за работу...

Из того, что Намма слышал про царевича Оу, не похоже, чтобы он таился, если бы забрал из дома возлюбленной дамы своего с нею сына и решил воспитывать его сам. Такие дети у него уже бывали: выросли, блистают в свете.

Время для беседы со следователем царевич изволил найти довольно скоро. Входит, запыхавшись, с толстым свёртком в руках. На приветствие отвечает милостиво.

— Осмелюсь спросить: в первую половину дня обезьяны этого месяца...

Не дослушав, царевич передаёт Намме свёрток:

— Так я и знал! Всё тут: забирайте к себе, сличайте почерки, выясните, кому я обязан таким... подкидываем!

Сыщик осторожно раскрывает обёртку. Там стопка листов со стихами.

Щебет не слышен, лишь дрогнули ветви — и дрогнули снова.

И у тебя, соловей, нынче не песнь на уме?

Стихи опального царевича Кандзана. Четверть века он числится умершим, и все эти годы подобные строки всплывают то тут, тот там. И в итоге попадают в Полотняный приказ.

— Именно тогда и доставили? — уточняет Намма.

— Я всех растряс. Получается, тогда. Но у меня руки до этой мерзости дошли только через два дня. Все уже забыли, как выглядел посыльный, доставивший эту... новейшую подборку.

Сам царевич Оу, несомненно, с удовольствием прочёл её всю. Теперь же готов дать волю праведному гневу.

— У высокого господина есть какие-то подозрения?

Царевич смотрит на сыщика, как на деревенщину:

— Они неисчислимы! Но не могу же я называть имён... Даже семей этих завистников и ревнивцев!

Да, это безнадежно. Царевич Оу всю жизнь слывёт безупречно порядочным человеком. Покинутые женщины, разочарованные отцы и ревнивые соперники могут не беспокоиться: не выдаст. Даже если кто-то из них совершил паломничество в горы и набрал там этих песен нарочно, чтобы ему напакостить.

Зато, похоже, в последние дни Оу действительно не до того было, чтобы похищать знатных отроков.

Намма благодарит, увязывает свёрток. На прощанье царевич с печалью произносит:

— Как знать, какие из наших стихов будут ходить в свете через четверть столетия после того, как умолкнут наши уста...

Когда средний советник пришёл домой, сразу выяснилось: сын его из Приказа до сих пор не воротился, девица Рю бегает по пирожникам, супруга волнуется за обоих, да ещё и за Обезьяныша, а старшая дочь недоумевает, почему батюшка не рассказывает, что за бумаги он принёс с собою. Придётся ей умерить любопытство: стихи явно не для дам! Одна младшая ведёт себя безупречно: приветливо пускает пузыри, как и подобает почтительной дочери.

Пожинав, Намма удаляется в рабочий покой — разобраться со срочными бумагами, то есть со злополучным свёртком. На первый взгляд — из сотни песен половина — уже знакомы (самого крамольного, к счастью, тут нет), остальные — или что-то новое, или искусная подделка. Придётся искать сочинителя. И сделать ему внушение.

И тут врывается Намма-младший:

— Они, между прочим, даже не отрицают, что

мальчик у них!

Письмоводитель побывал в общине нелюдей. А очищение прошёл? Не успел. Да и незачем: не спускался же и никого не трогал, просто поболтал с берега — кое с кем. Этот кое-кто даже назвал цену за свои услуги: за то, что поищет Обезьяныша в нелюдском посёлке и окрестностях. Причём письменоводитель уверен, что искать долго не придётся. Нелюдь уже что-то знает.

Средний советник Намма слушает, не перебивая. Но лицо его постепенно цепенеет. Наконец он поднимает веер:

— Так. Первое: сейчас договорим и отправимся в храм. Незачем или есть зачем — это не нам решать, а тем, кто будет проверять твою чистоту завтра у дворцовых ворот. Не говоря о том, что у нас младенец в доме.

Если объяснений по поводу скверны у Наммы потребует глава его рода — и, кстати, непосредственный начальник Саруко-старшего, — от молчаться будет невозможно.

— Второе. Может быть, твой осведомитель до беседы с тобою что-то и впрямь знал. Но теперь, полагаю, уже весь их посёлок знает: мальчика ищут, и ищут у них, и к делу подключён Приказ. Или ты с ним толковал, переодевшись в домашнее?

— Не успел, виноват...

— Так или иначе, если юный чиновник там, на берегу, был или объявится, будут приняты все меры, чтобы мы его не нашли. Полагаю, нелюди весьма признательны тебе за предупреждение. Если мальчика придушат и выкинут в реку, или изуродуют до неузнаваемости, чтобы выдать за своего, или ещё что-то подобное — что ж, мы хотя бы будем знать причину этого шага.

Намма-младший ёжится, открывает рот для возражений — но отец продолжает:

— И, наконец, третье. Какую, ты говоришь, цену

за услуги спросили со служащего из ведомства по борьбе со злоупотреблениями служащих?

— Они хотят справедливости, — мрачно, но не без дерзости молвит письмоводитель. — А что было за дело о двойнике среднего советника из Палаты казённых работ?

Этого среднего советника Намма помнит. Коренастый, круглолицый, с приятной живостью в движениях. Двойник, понятно, точно таков же. Только во время следствия советник каждую новую бумагу встречал стенанием, а двойник усмехался и помалкивал. Но видно было: вспоминает содеянное с удовольствием. Смотреть на обоих было равно противно.

— Именно по этому делу они ищут справедливости?

— По этому. Тогда, говорят, осудили невиновного, но ты правду знаешь.

Идём, — распоряжается Намма-старший.

До самого храма на берегу реки оба молчат.

Кто же из нас не действовал, не подумавши? Выдумать можно что угодно, выдумки путаются. А собирая свидетельства, хотя бы чем-то ограничиваешь своё воображение. Расследовать дело, не выходя из дома, взвешивая одни только умозрительные выкладки, пожалуй, способна лишь старшая дочка Наммы, да и то не всегда.

Кто же из нас не торопился вперёд, видя выгоды и забывая подсчитать возможные потери? Разве что Хокума. Тот с подсчёта потерь всегда начинал, у него беда была другая: многие из них он слишком легко записывал в допустимые и даже необходимые. И где теперь Хокума...

Нет его. И таких, как Хокума, нету. И не ждать же чего-то подобного от младшего Наммы. Он никогда и не давал повода для таких надежд. К лучшему это или к худшему — кто разберёт?

Хочется парню быть сыщиком. Почему? А не

потому ли, что батюшка мало ценит писарей, знатоков книжной науки, и не скрывает этого?

Слишком долго просидел в доме у Гээна. Привык к лицедеям, уже не держит в голове, что все они осквернены. А что в Обезьяньей усадьбе после них каждый раз всё очищают — так на то там есть особые родичи, можно самому и не помнить.

А кто парня отпустил к Гээнам? Батюшка же.

Дело о двойнике ему надо будет рассказать. Как раз то худшее, что есть в сыщицкой службе.

Потерпевший лгал. Не в подробностях, а в главном, но этого-то главного кроме него и обвиняемого никто знать не мог. Обвиняемый не каялся, не оправдывался, только повторял: «Спросите моего господина». То есть как раз потерпевшего.

Правда были похожи, как близнецы. Господин и вероломный челядинец.

Тогдашний глава сыскного отдела пыток не любил. Вместо этого распорядился поставить опыт. Слуге принесли чиновничье платье, шапку, бирку. Покажи, как ты притворялся. Просто чтобы знать, какое чучело наши невежды на местах способны принять за столичного чиновника. Слуга нарядился и стал показывать. Прекратить! — велел глава через несколько мгновений. В Приказе уже кто хохотал, а кто пыхтел от злости. Узнавая себя и соседей.

Расскажу.

В храме темно. Вода в бадье для очищения прохладная, уже слегка зацвела. Скоро лето... Вытираться надо как следует, не то на платье проступит зелень.

Два мокрых чиновника, постарше и помладше. Оба белые, оба круглые. Посмотришь — и не заподозришь в них ни излишнего пыла, ни проворства. А как пойдёт драка — один мигом натянет лук, другой окажется под стрелой. В Конопляном доме такое случается.

Боги Облачные и речные! Если под стрелой — то

пусть опять я!

— Так вот. Был в те времена, десять лет назад, разъездной чиновник в Палате казённых работ, средний советник Райбоку. Занимался проверками на местах. Стройки, состояние плотин и так далее. Несколько раз на него поступали жалобы за лихоимство. И все они оказались ложными: в днях не сходились. На время получения взятки у этого чиновника имелись свидетели, что он находился совсем не там. В пути к месту назначения. Мы проехали по его следу и выяснили, что жаловались на этого Райбоку далеко не все, кто на самом деле пострадал от его жадности. Видишь ли, у среднего советника имелся двойник. Он приезжал, выслушивал местных служилых, охотно пировал с ними и принимал подарки, после чего уезжал. Всё это время настоящий Райбоку действительно проводил в дороге. Прибыв же на место, не подавал признаков того, что узнаёт своих недавних сотрапезников, учинял строгий досмотр и бывал неподкупен. Или же вовсе не прибывал, а сворачивал к каким-нибудь другим казённым стройкам.

Письмоводитель замечает:

— Колдуны такое умеют: являться в двух местах одновременно. Ну, и святые подвижники. «Всюду, где несчастные призовут моё имя, я предстану перед ними...»

— Проверили. Не был он ни колдуном, ни тем более святым. Зато имел преданного челядинца. Малого, похожего на него и лицом, и ростом. Найдя предлог для задержки в дороге, этот слуга на день-два исчезал, прихватив часть вещей господина, благо сам же за ними и присматривал. Потом возвращался.

— А сам поспевал вперёд и изображал проверяющего?

— И очень успешно изображал до какого-то срока. Мы разобрались, схватили его прямо с подарками в руках. Господин Райбоку очень сокрушался. Заявил, что

ничего не подозревал о похождениях своего человека.

— И что решили?

— Средний советник получил выговор за невнимание. Накада, этот слуга, был осуждён за мошенничество. Отягчённое предательством и заперательством. Приговорён к усечению ушей. Райбоку, я слышал, вскоре ушёл со службы и постригся в монахи. Больше я о них ничего не знаю.

— То есть, — хмурит брови Намма-младший, — слуга этот всё-таки был виновен и взят с поличным?

— Да. Только показаний он так и не дал. На следствии твердил одно: «Спросите моего господина». Да и без того мы... Мы с моим тогдашним напарником считали, что проворачивать всё это тайно от Райбоку у него бы не получилось. Делился он доходами с господином или нет, доказать не удалось. Действовал ли он по приказу или с попустительства — тоже. С другой стороны, у Накады была семья, жена и двое сыновей. Десяти и шести лет. Мог и ради них стараться.

— А с ними что?

— Признаны непричастными. От Накады не отреклись, последовали за ним.

— Это как — последовали? Он после казни выжил?

— Выжил, отчего же нет. Раны ему обработали... А чтоб умереть от позора — так он собой скорее гордился. Причислен к нелюди. Туда к нему в общину семья и перебралась. Всё лучше, чем с голоду помирать. Средний советник им, понятное дело, никакого покровительства не предоставил.

Письмоводитель задумывается:

— То есть при пересмотре дела всплыла бы не невиновность осуждённого, а наоборот — соучастие его господина? Или, возможно, даже прямой приказ?

Средний советник Намма смотрит на сына с печалью и с сочувствием. Как на полную бестолочь:

— Дитя моё. Полотняный приказ. Никогда. Не пересматривает. Своих решений. Усвой раз и навсегда.

— Ну, это раньше не пересматривал, — бурчит себе под нос Намма-младший. — А теперь, когда повеял Западный Ветер...

Следователь этого не слышит. И слышать не желает.

Не всякий взялся бы прервать беседу двух чиновников Полотняного приказа в личных покоях. По крайней мере — никто из людей просвещённых не стал бы. Но дикарке Рю можно:

— Нашлись полосатые! В обезьяний день возле перелаза их и вправду видели. Один разносчик, одна нянька и двое монахов. Это господин Сётомон Летний Ливень с Восьмой улицы. Говорят, красавец!

И подмигивает с видом: прикажете соблазнить?

— Очень хорошо, — говорит средний советник, плавно вставая. — Навещу-ка я Восьмую улицу.

— Я сейчас у барышни спрошу, может, ей чего туда надо. Или оттуда.

Старшая дочь господина Наммы давно уже не «барышня», а как раз «госпожа с Восьмой улицы». Хотя сейчас, в отсутствии мужа, живёт в отцовском доме. Письмоводитель хмурится. Но следователь не берёт с собой ни сына, ни дочери. Только Рю. Даже неприлично!

Господин Летний Ливень служит в Дворцовой палате в должности младшего помощника хранителя Одеяний. Для его лет должность неплохая, а продвинется ли он выше — ещё неизвестно. Устроили его во Дворец как питомца дальнего Государева родича из усадьбы Сётомон, где этот юноша воспитывался. Но как устроили, так и забыли.

Никаких значимых нарушений за Сётомоном не числится, разве что прогулы, да и те извинительные: в дни осенних полнолуний, летних кукований и весенних цветений. Сколько его стихов свалилось на царевича Оу?

Впрочем, Летний Ливень не только поэт. За

двадцать шагов от его усадьбы слышны звуки флейты. Ничего замысловатого, но проникновенно.

— Это удачно, что там дудят, — говорит Рю. — Я гляну?

Намма кивает: затем он и взял с собою девицу. Рю крадётся вдоль стены, добирается до боковой калитки и исчезает. А средний советник со всем достоинством приближается к главным воротам.

Впускают его сразу, приёма ждать не приходится — господин Сётомон любезен, и кажется, ничуть не напуган:

— Сердце подсказывало мне — не доведётся коротать вечер в одиночестве! Счастлив принять!

На настоящего красавца Летний Ливень, пожалуй, не тянет: слишком худощав. Но изящен и хорошо воспитан. Беседу ведёт непринуждённо. Да, он не станет скрывать: он действительно следует за госпожой Хоннэн, как тень. Причина тому очевидна — её неизъяснимое очарование. И незаурядное дарование. В простодушии своём он даже не представляет: чем это могло бы обеспокоить Приказ? Или... неужели господин средний советник изволит...

Намма решительно пресекает любые подозрения, будто он тоже пленился этой дамой. В конце концов, она подруга его жены. Даже — обеих его жён.

— Сколь отратно — жива, жива старинная добродетель! Но тогда...

— Не будет ли господин так любезен описать свои — и госпожи Хоннэн, соответственно, — передвижения в минувший день Обезьяны? На службе он, кажется, в тот день отсутствовал?

Сётомон охотно соглашается. Увы, как раз в этот день он был плохой тенью: в полдень, как и положено, исчез, а к вечеру — не простёрся. Но утро охотно опишет. Ничего нового: всё совпадает с рассказом самой дамы и носильщиков. Близ старой башни красавица попросила влюблённого даровать ей немного покоя, и он, скрепя сердце, покорился. Дальнейшие

свои перемещения перечисляет столь же чётко, до самого вечера был на виду, а затем уединился и страдал. Никакое дитя не упоминает.

Следователь уже собрался было поблагодарить и с таинственным видом удалиться, но Летний Ливень явил прямопу:

— Позволишь ли узнать... С госпожою что-то случилось?

— С чего бы это?

— А я её уже два дня не вижу, и слухов о ней никаких не ходит, и новых её строк не передают... Если у неё неприятности — не могу ли помочь? Ежели необходимо, готов действовать тайно!

— Если возникнет такая нужда, — кланяется Намма, — непременно буду иметь в виду!

Времени прошло достаточно, можно прощаться. Уже на улице возле среднего советника возникает Рю:

— Детей в доме нет вообще, ни мальчиков, ни девочек. Всей прислуги — одна старушка да носильщики из деревни. Может, кого-то сейчас отослали, это отдельно проверять надо. Подозрительно много бумаг. Исписанных!

Что за бумаги — спрашивать бесполезно: многолетние попытки дочки господина Наммы обучить Рю грамоте успехом так и не увенчались. Но пару листов она прихватила с собою. Стихи. Любовные. Ничего примечательного.

Намма-младший, письмоводитель Полотняного приказа

Наутро уже у самых дворцовых ворот нам с батюшкой вручают приглашение: немедленно проследовать в Обрядовую палату. Спрашивается: мы за этим давеча очищаться ходили?

С нами изволит говорить глава Обезьяньего дома. В белом жреческом платье он выглядит ещё огромнее,

чем обычно. Подобен утёсу, окутанному облаками.

— Ну и как, свояки? — спрашивает господин Саруко.

Мы в замешательстве. Обезьяний Дед объясняет:

— Я же не болван. Знаю, что вы мальчика нашего ищите.

— Пока не нашли...

— И мы не нашли. Давайте советоваться.

Две важных вещи он сообщил. Насчёт первой мы, если честно, и сами бы догадались. Внук его жив. Если бы нет, глава семьи был бы осквернён и здесь сейчас не сидел бы. Второе: гадатель определил, что малыш Саруко пребывает на малом расстоянии от родного дома к северо-западу. Отлично: можно исключить большую часть страны. И даже семь восьмых Столицы, оставив только северо-западный клин с острием в усадьбе Саруко. Посёлок нелюдей, кстати, в этот клин попадает. Но и ещё несколько десятков усадеб, и домишки за городом, и храмы. Всё, что укладывается в малое расстояние, то есть в день пути.

— Позволю себе дерзость осведомиться, — говорит батюшка, — не может ли сложиться так, что отрок пребывает у кровного родича?

Старый Саруко сводит брови, задумывается.

— Понял. Нет, мальчик — сирота.

Неужели всё-таки костоправ был отцом?

Господин следователь излагает наши предположения: похищение зложелателем либо добротом Обезьяньего дома, бегство из обиды... Старый Саруко выслушивает, мрачно качает головой:

— Возможно. Но я опасаюсь худшего. Он — испугался.

— Чего?

— Не знаю. Но это — семейное: при испуге либо оцепенеть, либо броситься врассыпную. Куда глаза глядят. И что самое неприятное — это повышает вероятность одержимости. А он — не готов. Пока — совсем не готов.

Батюшкино лицо непроницаемо, но я-то чувствую, как он сразу напрягается. Чего средний советник Намма не выносит, так это чудес. С ними он чувствует себя неуверенно, да и я, по совести, тоже в таких делах плохо разбираюсь.

— Каких последствий можно ожидать в худшем случае? — осторожно спрашивает отец.

Саруко пригибается, вздыбливает плечи, рявкает:

— Любых! Бог — такой!

Вот пока не увидишь этот его оскал — не поймёшь, почему все в Обезьяньем доме так боятся Деда.

Уже спокойнее он добавляет:

— Постарайся, Намма. Пожалуйста. Буду в долгу.

Не каждый день услышишь такое от главы столь знатного дома. Жаль только, что «постарайся», а не «постарайтесь».

И вот после такого разговора — весь день сидеть за перепиской? Поистине ужасно!

Но до Приказа мы опять не успели дойти. Привратник окликает: там, мол, ваши люди пришли. Возвращаемся к воротам.

Там сестрин домоправитель Селезень с женой. При них коромысло с двумя большими корзинами, как у разносчиков.

— Это, господин... Мы тут ребёночка украли. Ты не взглянешь?

Нет, я, конечно, не удивляюсь. Про эту парочку известно, что они в прошлом наёмные убийцы и что глава нашего дома, господин Асано, уступил их в услужение своему внуку, нашему зятю. Для перевоспитания. Но какой смысл детей воровать? На замену, ежели Обезьянцам всё равно — лишь бы мальчик?

Селезень открывает одну корзину. Господин следователь заглядывает внутрь. Я тоже. Оттуда смотрят два ошалелых круглых глаза. Дитя лет пяти,

никак не старше. Смуглое, вид простоватый. Но одето... Очень похоже это платье на один из нарядов юного Саруко. Не должностной, а домашний. Что я и подтверждаю.

— Ты кто? — тихонько спрашивает батюшка.

Дитя так же шепотом серьёзно отвечает:

— Я Куколка. Только меня стырили. И съест хотят!

— Есть тебя никто не будет, — успокаивает господин следователь. — А откуда у тебя такое красивое платье?

Ребёнок надувается:

— Нашла! Дома, в ящике.

— Хочешь домой?

— Угу!

— А ты где живёшь?

— У батюшки с матушкой, — подумав, заявляет дитя.

Селезень говорит:

— Можно её снести туда, где она нам попалась. А там пусть голос подаст.

— Щипаться будешь? — подозрительно косится Куколка.

— А ты что, без этого орать не умеешь?

— Умею. Неси!

«Разносчики» деловито движутся вниз по улице. А мы за ними, степенно. Ребёнок время от времени выглядывает из-под крышки.

— Продаёте? — спрашивает какая-то баба.

— Не-е! Самим нужна!

Идти пришлось до самой окраины. Вдруг навстречу — ватага детей и встрёпанный мальчик с такими же корзинами на коромысле.

— Батя! — вопит наш товар.

Тут-то пирожник и попался.

Он всё рассказал. Да, в день Обезьяны какая-то знатная дама купила у него пирожки. Чего-то захлопотала, препиралась со своими носильщиками,

кружила по улицам. Он временно убрался, потом вернулся на свой перекрёсток. И немного погодя к нему подошёл молодой господин. Маленький, но сразу видно: важный. Милостиво поручил проводить его за город, что пирожник и сделал. Почти до самого храма Целителя, а там юный господин сказал, что сам дорогу найдёт. И пожаловал одеяние со своего плеча. Подарок жена пирожника прибрала в сундук, собиралась продать. Но вот эта Куколка, несчастье родительского сердца, добралась до наряда, нацепила — а могла бы понимать, что ей такое не по чести! Пошла гулять и пропала.

А я что говорил? Если Обезьяныш сейчас и не у нелюдей, то шёл-то он туда. И они могут что-то знать!

* * *

На ноги — когти. На плечи — перья. Накидку надо будет обновить: эта хороша, но повытерлась. На голову чёрный вороний хохол. Это пока ещё никто, не человек и не птица. Ворон, я сам, лежу в сундуке, лицом в вату. Вот так три дня кряду пролежишь — и не взлетишь больше.

Но отец уже разворачивает платки, откидывает крышку. Подаёт на вытянутых руках. А руки дрожат: плясуны стареют быстро. Особенно пьющие.

Кланяюсь. Дудка подаёт первый голос. Верхний, ветровой. И вторая: скрип и шелест в верхушках леса. Принимаю лицо. Поднимаю.

Барабан: раз. Третий дудочный голос издалека, из-под земли. Принимаю к лицу изнутри. Медленно отворачиваюсь. Пальцы отца на затылке под хохлом. Барабан: два и три. Продеваю взгляд сквозь вороновы глазницы. Вот, теперь это я.

Карура! Шагаю, вязну когтями в межевой грязи. Заглядываю слева, на восточное поле. И справа, на западное. Носом к югу, царь-птица!

И полетел. Грузно, не спеша, переваливаясь по

волнам ветра. Между облаками и облачной страной.

Вижу-вижу, всех вижу. В небесах, на земле и под землёй. Острова наши, сшитые царской верёвкой. Шестьдесят и шесть, каждый наособицу и все вместе. Крестьяне рис сажают, монахи молятся, господа веерами машут. Блошка свои тарелки крутит, папаша с портняжкой препирается, оборотень орёт на новичка, что тот не работает — на меня смотрит. А пусть смотрит!

Дудка шипом свистит. Там внизу, в мирской грязи, под самыми ногами у нелюдей и людей — змеи. Петлистые гады, панцирные и тысяченоногие. Добыча! Вся моя, я один её вижу. Карура, ловец нечисти — лови!

Сверху вниз — клюв копьём пронзает чешую. Сбоку вкось — топором проламывает череп. Лапами рву тугие кольца — опора только на воздух! Дудка свистит и воет — громко, тише, тише... сдохли. А где-то далеко-далеко, на небе, уже ворчит громовой барабан.

После боя — в глотке сушь, и на земле сушь, от полей пар. Кличу небо, гром отвечает, первые струи — сверху вниз, ветер наперехлёт — дождь наискось, на меня — прежде, потом и на землю. Крылья чёрные, узорные машут тяжелее, мокнут... Опускаюсь. Сел.

На восточном поле — вода блестит, на западном поле — люди шумят. Хорошо! И всё это — моя работа.

Пора обратно. Слишком долго быть собою — страшно. Знаю, как это бывает. Маленький был, когда дед улетел, — а помню. Пора возвращать лицо. В вату, в сундук, в платки.

Ох. Как тут у нас, на земле, всё-таки шумно. Один бранится, другой ревет, третий унимает, четвёртый... Кто это, собственно?

— Великолепно! Великолепно! А с кем тут поговорить насчёт представления? Хочу устроить праздник для соседей.

* * *

Намма-старший, следователь Полотняного

приказа

Если свести всё вместе — показания пирожника, донос, поданный письмоводителю Намме, и вычисления гадателя — получаются нелюди. С ними работать сложно. Облаву в их посёлке устраивать нельзя. У нелюди своего ничего нету, а от того, что им попало в руки, они легко избавляются. Благо река рядом. Могут мальчика отпустить по-хорошему, а могут и прикончить — если решат, что это проще, чем объясняться с начальством.

Да и где взять людей для облавы? На примете у Наммы есть два-три человека, не боязливых по части скверны и заразы. Сколько-то найдётся у Саруко. Но посёлок большой, нужно не меньше полусотни молодцов, расторопных и внимательных. Не соберём.

Значит — переговоры. Если нужно столкнуться со зверями — нужно идти к возчику или ловчему. Если с богами — к жрецу. Если с нелюдью — придётся обратиться к монахам. Из храма Целителя. Они, к счастью, не из самых спесивых, но себе цену знают.

Туда следователь Намма вечером и направляется. О пропаже чиновника так и не объявлено, дело по-прежнему приходится вести во внеслужбное время.

Нелюдских общин у нас две в окрестностях Столицы. Одна, восточная, — под началом Морового святилища, там в основном похоронщики и мусорщики, палачи из тюрьмы тоже относятся к ней. С нею Полотняному приказу, страже и суду постоянно приходится иметь дело. Вторую общину, вот эту, северо-западную, опекает храм Целителя. Здесь кожевники и лицедеи, заразные больные в основном тут же. Её следователь Намма знает плохо.

Монахи в храме одеты небогато. Все подношения идут на нужды страждущих и на украшение святыни. Изваяние Целителя средний советник смотреть не пошёл. Спросил старшего по нелюдской общине, служка указал на келью досточтимого Якурэна.

Этот монах не такой уж старый, намминых лет, но видно, что в обители и вырос. Родни его следователь не помнит, а стоило бы. Какие-то поземельные чиновники не первого разбора. Держится спокойно, даже с любопытством.

— Имею к наставнику два вопроса, оба не для разглашения. Первый: поступили сведения, что в вашу подопечную общину затесался знатный отрок. Он уже совмещает ученье с Государевой службой, и весьма желательно вернуть его к его обязанностям.

Монах приподымает бровь:

— А в каком смысле затесался? Для потехи, или его сослуживцы споили и подкинули? Или в помрачении, или по любовной страсти? — Хмурится. — Или болен? Или здоров, но мнителен, лечиться пришёл?

Широчайший выбор. Надо понимать, здесь настолько велик приток чиновников?

— Пока не знаю. Но пьянство, любовь и прежние недуги, думаю, можно отбросить. Козни сослуживцев тоже едва ли. Речь идёт о мальчике семи лет. Очень знатном, из таких, чьё имя повергает в трепет. Отнюдь не хотелось бы в этом деле чинить насилия, даже словесного: если мальчик заупрямится, и те, у кого он гостит, побоятся ему перечить... Тогда поиски могут затянуться, а терпение семьи уже на исходе.

Якурэн невозмутимо кивает. Записывает приметы. Будут проверять.

— И чем скорее, тем лучше. Второй вопрос. Десять лет назад где-то у вас поселился бывший слуга господина Райбоку. После отсечения ушей по приговору суда. Хотел бы узнать подробности о нём и его семье.

— Это Безушка, двойник своего барина? Был такой. Изрядный лицедей, большой успех имел. Помер в позапрошлом году. Не от дурной болезни и не убит. Сердце устало. А что до семьи... Позвать?

Не так-то это просто. Наставник посылает куда-то своего служку, а сам принимается раздувать жаровни с курениями. Чтобы Полотняный чиновник

случайно не заразился. Келья быстро наполняется сырым сизым дымом.

Как рисунок в книге, где большая часть картины прикрыта облаками. Следователю Намме плохо видно, кто там, за жаровнями, ему кланяется. Женщину, вроде бы, он узнаёт: вдова Накады. Рослый парень — может быть, кто-то из детей?

Парень, едва разогнувшись из поклона, обращается к монаху:

— У меня там больной. Можно побыстрее?

Якурэн разводит руками, кивает на Намму.

Следователь задаёт обычные вопросы. Да, перед ним старший сын осуждённого, прежде звавшегося Накадой, глава семьи, обучается на лекаря. По дурным недугам. Младший сын предьявлен быть не может, ибо был сегодня отчитан своим начальством и теперь где-то шляется. Он — ученик лицедея.

— Мать всё знает, если надо, расскажет. У меня там, господин, гнойная язва. Я пойду, с твоего дозволения.

Говорит уверенно, с видом — попробуй только запрети. Намма его отпускает. Женщина, кажется, вздохнула с облегчением.

— Упрям? — спрашивает средний советник.

— Добросовестен. Весь в отца...

— Итак. С кончиной твоего мужа вина его считается избытой. Против тебя и твоих сыновей обвинений не выдвигалось. Может быть рассмотрен вопрос о возвращении вас в разряд чистого люда. Особенно если ты сможешь чем-то дополнить тогдашние показания супруга.

Вдова задумалась. Спрашивает сипло:

— А что стряслось? Муж мой помер, господин Райбоку, говорят, тоже. Кого топить-то надо?

— Мы хотим внести окончательную ясность.

— Тогда, господин сыщик, ты не туда пришёл. Какая ж с наших-то нелюдских слов — ясность? Хоть хором голосить будем — наши речи не в счёт, любой

чистый их одним словом переломит.

И, помолчав, добавляет:

— На молодых баричей я зла-то не держу. Кто ж их спрашивал? Ходили в отцовской воле, как муж мой — в хозяйской, да им самим ничего и делать не надо было. А клеветы возводить впустую — грех.

— Как твой муж — в хозяйской воле, — повторяет Намма. — Стало быть, выполнял приказ?

— Выполнял и выполнил. А что нас с собою уволок — ну, так ему видней было. Больно верил, что господин заступится. Да что уж теперь.

— Не думаю, — замечает Якурэн, — что от тебя здесь, в храме, хотят именно клеветы. Скорее, господин средний советник подумывает вас отсюда вытащить.

— Отсюда — и куда? В другую общину, где лекаря по дурным болезням надобны? Или господу Райбоку захотели нас к себе обратно взять, чтоб языки можно было укоротить, если болтать будем? Или на восток, лес рубить и пни корчевать на дикарских землях? Спасибо за милость, тут мы хоть живы пока.

Монах, прищурясь, смотрит на Намму. По существу Полотняному чиновнику ответить нечего.

Разве что так:

— Объявился некий хлопотун по вашему делу. Особа, имеющая определённый вес в Полотняном приказе. Нет признаков, что за нею стоит родня господина Райбоку. Как я вижу, ваше храмовое начальство тоже ни при чём. Желал бы я понять: а тогда кому и зачем это нужно?

Ни слова лжи. Письмоводитель Намма кое-какой вес имеет.

— Откуда ж я знаю? — женщина неожиданно улыбается. — Может, у кого в Приказе совесть обнаружилась. Спасибо, конечно, только — поздно. Мы тут обжились, а возвращаться нам некуда. Среди чистых-то уцелеть трудней. Опять же: тут мой старший, может, женится, дети пойдут. А там — при его-то ремесле? Одна дорога — в монахи. Дело, конечно,

хорошее, но я сперва внуков хочу.

— А младший твой, лицедей... У него, случайно, нет докучных поклонников, они же благодетели?

— Только не хватало! — она даже руками всплеснула. — Докучных-то вроде нет, а то б я знала. А если тайных найдёте, господин, вы уж им скажите постороже, чтоб отстали! Молод он ещё для таких безобразий.

Была бы десять лет назад обвиняемой эта тётка, а не её муж, думает Намма, туго пришлось бы господину Райбоку.

Намма-младший, письмоводитель Полотняного приказа

Дело о двойнике я в нашем хранилище нашёл. Удивительно: все листы на месте, переписаны ясным почерком. По сути всё сходится с тем, что изложил батюшка, и господин Райбоку в самом деле получается подлец.

Понятно: Блошка возмущён несправедливостью. Только я не вник, чего именно он хочет. Позора Райбоку? Оправдания Накады? Помощи родне осуждённого? И кто он сам такой и как связан с этим делом? По бумагам непонятно.

Думал я задать ему несколько уточняющих вопросов. Пришёл на берег вечером. Встал, где уговорились. Вижу, там какая-то суета. Он меня заметил, подаёт снизу знаки: никак не могу! И показывает на какого-то старичка. Начальство, что ли, им проверку устроило? Или уже Обезьяныша ищут...

Глянул я вокруг себя — и еле-еле успел уклониться от взора собственного родителя. Ага, он со службы отбыл чуть пораньше, и выходит, тоже сюда. В храм к монахам.

Возвращаемся порознь домой. Сестрица за ужином спрашивает:

— А этот Сётомон из полосатых носилок — он у нас подозреваемый или кто?

— Свидетель, — отвечает батюшка. — И к тому же бестолковый. Заявил, что влюблён в госпожу Хоннэн.

— Не похоже, чтобы чах от любви. Он тут приглашение прислал. Мне, по-соседски. Устраивает завтра вечером праздник для всей Восьмой улицы. С танцами и лицедеями.

— Хм-м. Надо бы сходить.

Ничего не понимаю. Он — что, на допросе отмалчивался, а теперь решил силою искусства выразить, что знает, но не может сказать? Что мальчик у него? Или не у него? Или он знает, где, но поклялся молчать? Или чтобы мы закрыли это дело, не то хуже будет?

Или что юный Саруко — у лицедеев. И они не решатся оставить его без присмотра, то есть притащат с собою на представление. Тут-то господин Сётомон и надеется его перехватить... Значит, мы должны успеть раньше!

И я знаю, как. Дожидаюсь, пока господин средний советник удалится к себе. Спрашиваю у сестрицы:

— Ты можешь на завтра раздобыть носилки? И носильщиков покрепче.

— Да что мы, пешком не дойдём? Соседский праздник, можно по-простому.

— Может так сложиться, что торжество придётся спешно покинуть. Не исключаю, что и погоня будет. Этот Сётомон, сдаётся мне, не так-то прост.

— И где я так срочно найду носилки?

— Может, у мужа твоего в храме...

— Носилки прежнего государя? Нет уж, я в них не сяду.

Сам зять мой носилок не имеет. Из скромности. Похвальной ли?

А назавтра с самого утра всё пошло не так. Едва

мы уселись в Приказе за столы — приносят письмо от господина Гээна. Гонец весь запыхался. Средний советник Намма прочёл, сообщил, что вынужден срочно отбыть. Без меня?

— Прочти, — перекинул мне грамотку и был таков.

Господин плясовой распорядитель пишет своим худшим почерком: *«Срочно приходи к нам домой. Тут творится нечто неопишное. Никому ни слова!»*

Что я к «никому» не отношусь — конечно, утешительно. Но вся работа из головы вон. Три листа испортил!

Уже за полдень приходит рассыльный от дворцовых ворот. Объявляет:

— Носилки для письмоводителя Наммы поданы!
— И смотрит на меня как-то странно. Столоначальник махнул рукой: ступай...

За воротами только одни носилки. Ведомственные. Военной палаты. Носильщики усатые, саженого роста. Левый передний кланяется — так, как положено человеку при оружии:

— Пожалуйте!

Сестрица моя уже сидит внутри. Ну, что ж: зато на кого эти молодцы точно не похожи — так это на переодетых сыщиков Полотняного приказа.

— Они откуда? — спрашиваю.

Сестра пожимает плечом:

— С подружкой договорилась...

Обезьянские носильщики этих не одобрили бы. Идут ребята, конечно, в ногу, быстро, но трясут здорово. Поосторожней! — говорю.

— Не извольте беспокоиться, доставим в лучшем виде! Не хуже, чем Западного Воеводу!

Ну, да. Где-то примерно этого я и просил.

На Восьмой улице у ворот Сётомона уже собралась небольшая толпа. Ставят шесты для канатоходцев. Помост готов. Попробую понять, который тут заказчик торжества. Вообще тут в основном

женщины, дети и старцы: мужчины-то на службе. Впрочем, среди народа мелькает некий кавалер в изящном платье и с весенними травами на шапке. А ещё позади всех возвышается верховой на рыжем коне, в шлеме и алом панцире с жёлтыми шнурами.

Кавалер оказался Сётомоном. Приветствует всех, как дорогих гостей. Когда ещё побольше народу собралось, взобрался на помост и сказал речь:

— Мы далеки от наших пашен, но сердце чувствует, как поднимаются всходы на полях родимой земли. И к тому же, у многих здесь в городе огороды и сады. Так почтим же богов ветровых и водных, благодатный дождь и владыку зелёных побегов! Будемте танцевать и смотреть на пляски!

Голос у младшего советника замечательно пронзительный. Ему бы не в Хранилище Одежаний служить, а у нас в Приказе, глашатаем!

— Мог бы и жреца позвать, — шепчет сестрица. — А то эти самодельные молитвы...

— Наверно, очень торопился.

Двинулись шествием, из конца в конец улицы. Впереди лицедеи, за ними Сётомон, за ним соседи. Всадник поравнялся с нами, но едет так, чтобы не вплотную к носилкам, а вдоль заборов. И взоры кидает нескромные. Это он, надо понимать, и есть «подружка»? Вот уж не думал, что у сестрицы завёлся воздыхатель из военных. Надо будет при случае матушку порадовать.

А вот из Обезьяньего дома никого не видно, в том числе и госпожи Хоннэн. Или она в усадьбе ждёт? Или господин Летний Ливень не любимую тешит зрелищем, а пытается отвлечься от страданий? И точно ли она — причина тех страданий?

Прошли всю улицу, поворотили обратно, втянулись на Сётомонов двор. Стали располагаться. Наши вояки носилки поставили, но сами рядом наготове, как я и рассчитывал. Заиграли дуды и барабаны, вышел старец в зелёном облачении, возгласил что-то

благовещее, но не очень разборчивое. Потом ещё двое лицедеев, постарше и помоложе, поднесли ему корзины с рассадой. Эге, а младшего-то я знаю! Но сам Блошка меня пока не замечает.

Пожалуй, мне таки придётся вылезти. Если Обезьяныш тут — то наверняка где-нибудь за помостом, позади музыкантов. Из наших носилок не разглядеть.

Жаль, что сестра не предупредила насчёт своего поклонника. Можно было бы заранее договориться: появляется Саруко-младший, я передаю его в седло, и всадник скачет к нам домой, а я его прикрываю. Или наоборот — я-то без оружия. Впрочем, с сестры станется: может, они двое уже у меня за спиной договорились.

Пышно разодетые поселяне сплясали степенный танец. Потом вышел ещё один лицедей, покружился вокруг поселянина постарше, а тот за это время переоделся. Поднялся наверх, пошёл по канату — а Блошка внизу тарелки крутит на двух палочках. Если бы мы тут до конца собирались оставаться — неудобно бы вышло: я ничего не прихватил, чтоб одарить плясунов.

Маленького Саруко, однако, не видно и не слышно. Господин Сётомон подозвал к себе старика и ещё одного лицедея, велел угостить и начал им что-то втолковывать. Раз уж я выбрался из носилок, подберусь поближе.

— И вот теперь — ту замечательную пляску, что я имел удовольствие видеть на берегу. По поре подходит как нельзя лучше, не так ли?

Обезьянью?

Лицедей замаялся, старик вроде бы хотел уклониться, но рослый носатый парень его убедил. Дедок куда-то бочком со двора подался, а носатый принял руководство на себя. Начали танцевать птицелов и птицеловка, если я верно понял. Могу, однако, ошибаться: на плясунов я уже почти не смотрел. Нужно было не пропустить, когда мальчика-то приведут. Точно ведь за ним послали!

Слуги хозяина разносят пока угощение. Подносы с узором из спутанных трав. Брага отменная, закуски — овощные соленья.

Уследи тут, попробуй. Ворота открыты, народ на гулянье подходит всё новый и новый. И да, как же без них: наши Селезень и Уточка с детьми, и девица Рю принаряженная. А Саруко всё нет. И старика тоже.

Музыка играет. Дети и молодёжь строятся цепочкой: собираются сами плясать, пока лицедеи дух переводят. Я продвигаюсь к самому помосту. Указываю Блошке веером: подойди сюда, только осторожно.

Понял, приблизился. Поглядывает сердито, делает вид, что разбирает какие-то свои тряпичные снасти. Трудно тихо говорить на таком расстоянии — но ближе нельзя, нелюдь всё-таки.

— Ты тут зачем? — спрашивает он, почти не раскрывая рта.

— А ты?

— Я работаю!

— А я на службе. Старик ваш за обезьянкой пошёл?

— За какой обезьянкой? За Вороном!

Тут носатый на него гаркнул, отозвал. Так я ничего и не понял.

Гости пляшут. Всадник торчит около наших носилок. Они с сестрицей там уже десятком песен могли бы обменяться. Дело не движется. Господин Сётомон бегаёт то в дом, то из дома, тоже, видно, теряет терпение. Но со всеми любезен.

Тут — на звук какой-то или на движение, не понять, — носатый вдруг резко вскинулся. Через толпу гостей быстрым шагом пошёл к воротам. Все расступаются. И вот, с улицы в ворота входит, ковыляя, лицедейский старик. Один, без мальчика. Это что, по действу так задумано? Едва носатый к старику подоспел, тот обвисает ему на руки. Теперь видно: у старика рукав оторван и с лицом что-то неладно.

Дудочник поперхнулся. Сестрин воин, сохраняя

учтивость, разворачивает коня — а носильщики берутся за рукояти.

Сётомон бежит к воротам, путаясь в шароварах. Среди гостей начинается шум: что случилось-то?

Что бормочет старик, не разберёшь. Зато слышно, как носатый отчаянно рявкает:

— Карура?!

Это на каком языке?

Вникнуть я не успел. Наши носилки уже рядом и носильщик мне, как начальник, велит:

— Пожалуйста сесть!

Я так растерялся, что послушался. А они подхватились и понесли нас. До самого дома: не здешнего, а батышкиного.

Теперь ещё ждать, пока вернутся Рю и остальные наши. Ясно одно: праздник господину Сётому испортили. Будем надеяться, что Селезень хотя бы понял, как это получилось и какова... скажем так, степень нашего в том участия.

Кто таков конный вояка, сестрица так и не призналась. Даже когда от него вдогонку ещё одно стихотворение принесли. С вестовым.

И лицедеи весеннею пляскою сердце не тешат!

Сухостью дамы сражён, я омочил рукава...

Намма-старший, следователь Полотняного приказа

Ворота Обезьяньего дома сегодня распахнуты. А привратник нем. Спросил только: Ээ? Намма назвал себя, тот ответил:

— Ээ... — и махнул рукою во двор.

Господин плясовой распорядитель сидит на крыше собственного дома. Не на самом коньке, а на скате над крыльцом. И сидит-то не по-человечески,

свесив ноги. Следователь кланяется, Гээн неопределённо помавает руками.

— Проходи. Жена тебе всё объяснит. Единственный разумный человек...

Поднимаясь по лесенке, Намма замечает на крышах соседних построек ещё троих-четверых домочадцев господина Саруко. Наводнения, что ли, опять ждут? Или кары с Неба?

Откуда-то из сада слышится барабан. И несколько голосов рыдают.

Занавес в покоях семьи Гээн висит наискось, на одном кольце. Средний советник по привычке приглядывается, что тут: следы борьбы? Из-за занавеса госпожа Гээн кричит:

— Не трогай! Оно всё равно уже не держится.

«Жена тебе объяснит»... Умеет же плясовой распорядитель изъясняться двусмысленно. Нынешняя его жена, а в прошлом супруга Наммы, добавляет:

— Мало нам, что ребёнок пропал, теперь ещё призрак явился.

— Дух молодого господина? — пугается Намма.

— Ещё не хватало! Нет: слепого костоправа, говорят. Я сама его не видела.

По имеющимся у следствия данным, костоправ действительно умер. И на этом основании был вычеркнут из числа подозреваемых. Напрасно?

— А кто видел?

— Молодая госпожа видела. И обоняла, а госпожа Хоннэн, кажется, даже осязала. Выпить хочешь?

— Неучтиво было бы отказаться...

Из-за занавеса хозяйка выдвигает поднос с чашкой, бутылочкой и едой. Закуски почти не тронуты, а вот браги осталось — на пару глотков.

— При каких обстоятельствах явился дух? — деловито осведомляется средний советник.

— Как положено — при непостижимых! Ночью, на женской половине главного дома, окутанный дымами преисподней.

— А до того его никто не встречал? Уже в виде призрака, но — во дворе или в доме?

— Все отпираются. Может, и правда не видели — и дух мог ходить незримо, и вообще не до него было. Дед-то всё-таки узнал о нашей пропаже! И расстроился.

Нехорошо, когда в доме все так трепещут, что забиваются по углам. Заходи кто хочешь, уноси — или приноси — что пожелаешь... Но Намму сюда позвали не осуждать Обезьянские обычаи. А тогда, собственно, зачем? Духов изгонять средний советник не учился.

— Бабушка говорит, раз пришлец подворья не осквернил, — значит, вовсе он не дух, а злоумышленник! А скверны правда вроде нету.

— Здравый подход. Но если так, хотелось бы услышать свидетелей. Непосредственных.

— Как это на тебя похоже! «Некогда мне с тобою, служба ждёт!» Ну, попробуй. Только тут с ночи ещё все урождённые родичи словно не в себе. Скачут, плачут, прошлогодней хурмой швыряются... Ладно, подожди.

Госпожа Гээн возвращается не одна. Машет следователю, чтобы отсел подальше.

— Чувства смятенны, как будто смешались тушь и подлива! Прямо на чистом полу! Всюду на чистом полу!

Из-под занавеса теперь виден ещё один подол. И вправду — весь в каких-то подозрительных пятнах.

— Не соблаговолит ли госпожа поведать о необычайном происшествии?

— Вешний ли ветер наш полог раскачивал ночью безлунной? Хуже: загробный пришлец бедное ищет дитя...

То ли у госпожи Хоннэн насморк, то ли она плачет по-настоящему.

— Он что-нибудь говорил?

— Словно дохнуло сандалом и тлением: смрад похоронный! «Мать! Расскажи про дитя всё, что мне надобно знать!»

Любопытно: призрак тоже изъяснялся стихами? Но, кажется, об этом спрашивать бесполезно.

— Возмутительно! — замечает хозяйка. — Но молодая госпожа всё ему так и выложила. В который час сын родился, чем болел, какое первое слово вымолвил. И сколько у него сейчас зубов.

Ещё любопытнее. Тайный отец, встревоженный судьбою мальчика... Первое свидание с любимой после многих лет... О чём и поговорить, как не о детских хворях и о зубах? Между прочим, письмоводитель Саруко как раз в том возрасте, когда зубы меняются, и эта примета — с одной стороны, ненадёжная, а с другой — верная. Если различать на вид молочные зубы и постоянные. Лекарь мог бы...

На вид? Так костоправ вроде был слеп?

— Глаза горели? — осторожно спрашивает средний советник.

Дама фыркает с неожиданной обидой:

— Кабы пылали глаза его углями — было бы проще как-нибудь мне избежать прикосновенья к нему!

Следователь не успеваает задать следующий вопрос. Госпожа Хоннэн уже в голос выкрикивает:

— Адским огнём ли, водой ледяною ли выглажен череп — каменная голова, словно прибрежный валун!

Подол дёргается и исчезает. Шелест, топот — и всё смолкло.

Госпожа Гээн говорит:

— И вот так она с самой ночи. Не умолкая! А барышня только плачет в три ручья. Даже Бабушка ничего членораздельного не добилаь.

— И на том спасибо, — вздыхает Намма. — На самом деле сведения ценные. Почти уверен, что это был не призрак.

— А кто?

— Буду проверять.

И начнёт Намма с досточтимого Якурэна. Бритого, продымлённого благовониями, опытного целителя. Очень похоже на то, что храм начал собственное расследование.

— Слушай, — ворчит хозяйка. — Я понимаю, что

ты нам не чужой и преисполнен рвения. Но зачем ты мальчика в это дело впутал? Нашего-то сына?

Теперь пойдёт допрос. Даром что Намма давно уже не её супруг. Пока жили вместе, каждый вечер сыщик имел удовольствие оказаться в роли подследственного. И обычно — обвиняемого, даже при скудости доказательств.

— Он, знаешь ли, тоже не чужой. А уж насчёт рвения...

— Отдаст же парень себя на растерзание! Диким обезьянам — лишь бы тебе понравиться!

Она что, совсем за дурака мальчишку держит? Будто он не понимает, что нравится мне и так. Как есть. Особенно пока не горит жаждой подвигов.

— Потому я и пришёл без него.

— А он где? Под присмотром у твоих лопоухих приказных?

Худший способ вести подобные прения — это сообщать сведения сверх тех, какими уже располагает собеседница. Но Намма допускает именно эту ошибку. Выговорил и тут же пожалел о сказанном:

— Они с сестрой сегодня собираются смотреть представление.

— С сестрой?! — за занавесом что-то разбилось.

Я должен был бы помнить, что дочь моя склонна к опасным приключениям. Где смотреть, у кого? Что за действо, что за лицедеи? Ничего не выяснил! И главное: что за зрители там будут? Позор на всю Столицу! Молодой даме, уже принятой во Дворце, — появляться в свете в сопровождении брата в чине письмоводителя, когда её муж, ближний человек отрекшегося государя, её пренебрегает! Да кто же господин Намма после этого такой?!

С этими словами госпожа появляется — и бросается в объятия бывшему супругу. Сам виноват! Нечего разговаривать с занавеской, следить надо, что люди делают!

— Я же вижу, — говорит. — И слышу, как тебя

задёргали с нашим делом. Иди сюда. Мало ли что к ночи ещё будет, а сейчас Обезьянцам не до нас.

Пожалуй, это уже слишком. Средний советник вскакивает на ноги. И обращается в бегство.

— Холодный, бессердечный! А я-то, дура, ему двух детей родила!

Не заходя на службу, следователь Намма направляется в храм Целителя. И опять без пропуска, через стену, а не через ворота.

В посёлке нелюдей, кажется, сегодня потише. Лицедеев с берега вообще не заметно. И из кожевенных мастерских вонь слабее — или это Намма уже привык?

Монах Якурэн где-то в лечебнице. Средний советник велит его срочно вызвать. Тот входит, кланяется, уже открывает рот...

— Мальчик Саруко — твой сын?

Якурэн слегка опешил.

— Я принял постриг в двенадцать лет. И до сих пор избегаю женщин...

— Минувшей ночью тоже?

Монах надулся. Неожиданно сварливо отвечает:

— А что мне оставалось? «Найдите дитя», требует Полотняный приказ. Ни имени, ни внятных примет, ни обстоятельств исчезновения... Или это нарочно? Чтобы при таких скудных данных я никого не нашёл?

В известной степени он прав.

— Женщины Обезьяньего дома утверждают, что ночной посетитель выглядел как призрак и расспрашивал о сыне.

— Ну, да. О сыне одной из них, как выяснилось. Или ты кого-то другого ищешь?

— И где он?

— Пока не знаю. Ищем.

— А почему ты начал именно с этого дома?

Монах на мгновение замялся:

— Но ты же сам намекал на высокую особу... И потом, уже все пирожники в городе только об этом и

говорят... Один сюда приходил, просился в монахи. Дескать, Полотняный приказ у них уже детей в заложники забирает...

Разве что пирожники. Напрямую наставник не врёт. Но что он не знает, где сейчас юный Обезьяныш, — не верится.

Впрочем, хорошо, что Якурэн не стал перебирать все знатные дома начиная с Конопляного. Иначе бы сегодня в этом храме уже подбирали нового попечителя лечебницы.

— Допустим, — веско говорит Намма. — Но из-за явления призрака поднялся такой шум, что теперь необходимо найти мальчика как можно быстрее. Ты понял? Как можно быстрее!

Монах не врал, однако в чём-то он проврался. Следовательно Намма это слышал. Только упустил в разговоре. И теперь не помнит, что именно это было.

Во Дворец опять пропускают без задержки. Скверна не прилипла. Намма-младший уже отправился праздновать. Столоначальник глазами указывает сначала на письменоводительский стол, потом за дверь. И строит соболезную мину.

Из-за двери почти немедленно появляется сам глава Приказа, господин Асано-средний. Требует Намму к себе.

— И где ты провёл сегодняшнее утро?

Следователь признаётся в посещении храма, умолчав о доме Саруко. Как выясняется — зря, потому что господин Асано переспрашивает:

— Очень благочестиво. То есть ты действительно связываешь дело о пропаже письменоводителя Обрядовой палаты с делом Райбоку?

Отвечать надо быстро:

— Такая связь не очевидна, но и не исключена.

— Я так и понял. Пропал отпрыск Саруко, и это держат в тайне. За тобою присылает с утра их родич. А ты уже заранее затребовал из хранилища старые

грамоты по Райбоку!

Глава приказа перечисляет это с явным удовольствием. Пусть он не сыщик, но ничто из действий подчинённых не укроется от его внимания!

Бумаг десятилетней давности средний советник поднять не успел, но что проку говорить об этом? Любому ясно: если письмоводитель Намма с важным видом запрашивает какие-то грамоты — значит, они нужны или его начальству, или его отцу. Или и тому, и другому одновременно.

— И наконец, — продолжает господин Асано, — дело Райбоку в своё время обернулось так, как обернулось, не без участия Обезьяньего дома.

На этот раз средний советник изображает на лице сдержанное недоумение. Держался бы искренне — нарушил бы приличия. Тут-то Обезьянцы при чём?

Господин Асано приступает к объяснениям щекотливого свойства. Начинает с того, что зовёт порученца, распоряжается принести браги и закуски.

— Итак, — молвит глава Приказа, наливши подчинённому и себе. — В те годы тебе, конечно, не полагалось об этом знать. Но теперь ты возглавляешь сыскной отдел. На нас тогда крепко давили. На меня — господин Саруко, а я на твоего непосредственного. Дело в том, что подарки, которые вымогал Райбоку, а точнее, его двойник... Да, конечно: порой лихоимцы на местах делились наворованным, порой честные чиновники отдавали последнее, лишь бы отвязался. Но за кое-какими вещами, редкостями, наши двое жуликов охотились вполне прицельно. Такие случаи, разумеется, в деле не отражены. Больше тебе скажу: двойник принимал заказы. Посетить такую-то семью в таком-то краю и посмотреть: точно ли у неё хранится кое-что из старинных вещиц, ценных для столичного знатока... И если да, то не удастся ли эту семью заморочить или запугать, чтобы выманить оное сокровище в виде взятки. Это относится и к древней обрядовой утвари.

Видимо, нынешний глава сыскного отдела —

последний человек в Столице, кто всего этого не знал. Монах Якурэн вот — знает. Потому что услышал про высокую особу и про Безушку — и немедленно связал одно с другим. И получил Обезьяний дом.

— Гусли всякие, флейты, личины, бубенчики... — продолжает Асано. — Двойник, как ты помнишь, молчал, Райбоку делал вид, что знать ничего не знает. Большинство заказчиков тоже помалкивали. Но — не господин Саруко! Благородный всё-таки человек. Когда его поставщик попался, Обезьянец начал за него хлопотать. Деятельно! Могли поползти слухи об Обрядовой палате. Чего, конечно, мы допустить не могли. Так что вместо ссылки в отдалённые места Райбоку отделался добровольной отставкой и постригом.

Средний советник склоняет голову. Обрядовую палату и тогда возглавлял старик Асано, старший в доме Конопли. В доме, к которому принадлежали и глава Приказа, и оба сыщика, ведшие дело: Намма и Хокума. Очень складно выходит.

— Но — тогда! — Асано-средний поднимает чашечку. — А теперь пропал юный Саруко, и ты немедленно направился по следам тогдашнего двойника. Как его звали-то?

— Накада. Он умер без малого два года назад, я проверил.

— Он — умер. А бывший господин Райбоку? Я вот о нём уже очень давно не имел никаких известий.

Следователь Намма вынужден признать, что тоже не знает точно, жив ли упомянутый монах.

— Значит — выясни. Жив ли, и если жив — сидит ли у себя в келье или шатается где не следует. Ему, между прочим, было внятно сказано: чтобы в Столице его больше не видели!

Поставив чашку на поднос, господин Асано сочувственно вздыхает:

— Сам понимаешь — это срочно. Коня тебе предоставят, я уже распорядился. Храм Непременного

Спасения, это недалеко. К вечеру успеешь.

А ведь Намма так и не выяснил у сына, с кем тот толковал. Кто просил за семью Безушки. Сами родичи покойного двойника, по крайней мере, на словах — возвращаться в чистый мир не рвутся. Мог их бывший господин решить о них побеспокоиться? Не похоже, но придётся проверять. Могла и у Райбоку проснуться совесть...

Нечасто средний советник Намма въезжает к себе на двор верхом. Обычай нового царствования: сам Государь — наездник, чиновники тянутся за ним.

Дети с представления уже вернулись. Увы, праздник на Восьмой улице не удался. Но что его испортило, они не поняли.

Вот всегда бы они удалялись с места происшествия, прежде чем сами влипнут в неприятности!

— Но мы ещё разберёмся! — утешает дочка.

— Мы ведь так ничего и не выяснили... — добавляет сын и примолкает.

— А что вы собирались узнать?

— Те ли это лицедеи, которые мальчика украли, — объясняет дочь. — Никого подходящего по росту среди них не было. Но зачем-то же их пригласил господин Сётомон! Как раз после того, как ты его допросил, а задания ему не дал.

— Сётомона отложим до завтра, — твёрдо говорит следователь.— Сейчас я срочно уезжаю. Один. Единственное, что я хочу уточнить: а кто тогда с тобою толковал насчёт дела Райбоку?

Письмоводитель Намма мнётся:

— Один из нелюдей. Молодой. Имени у него, как я понял, нет. И сейчас уже не знаю — точно ли он говорил от себя или выполнял чьё-то поручение...

— Приметы?

Не особенно охотно Намма-младший описывает парня. А заодно и носатого мужчину, у которого,

похоже, молодой лицедей ходит в учениках или в подручных. Завтра нужно будет ими заняться.

А пока, наскоро подкрепившись, средний советник отбывает навстречу Неизбежному Спасению.

Намма-младший, письмоводитель Полотняного приказа

Рю и Селезень воротились уже после батюшкиного отъезда. Так что случилось на представлении? Вы что-нибудь поняли?

— Не поняли, но узнали, — важно заявляет Селезень. — Разбойное нападение. На старика-лицедея, прямо на нашей Восьмой улице.

Вообще-то да: когда все соседи собрались на праздник, улица пуста, грабь кого хочешь. Мы этого не предусмотрели. А Сётомон?

— Но что можно отобрать у нелюди? Они ж нечистые, во-первых, а потом — нищие.

— Умный разбойник и не стал бы с нечистыми связываться, — со знанием дела кивает Селезень. — Пойдёшь потом от скверны очищаться, тут-то тебя и заметут... Так что это явно дурни нанялись. А почему нанялись? А потому, что украли такую добычу, которую на рынке не сбудешь — надо иметь заказчика. Ну, или уж ожидать, что храм выкупит, что ещё опаснее.

— Так что ж это было?

— Птичья голова!

Сестрица смотрит на Селезню одновременно с любопытством и тревогой. Тот ухмыляется:

— Да не моя, не жена — деревянная личина лицедейская! Дорогая, редкая, старинная, чуть ли не священная!

Рю встречает:

— Тамошний хозяин заказал птичью пляску. Лицедеи стали отказываться, тот настаивает. И зря, кстати: заклинателям-то виднее, в какой день что

плясать! Тогда этот Сётомон показывает на твои носилки и говорит: видите? Посмотреть прибыл самый большой начальник из Дворца, с воинской охраной, не спляшете — ни мне, ни вам головы не сносить! Их старшой перепугался, побежал за личиной и нарядом. На обратном пути на него какие-то двое и напали, ящик с птичьим убором вырвали, самого с ног сбили и сбежали. А сосед ваш Сётомон опозорился на всю улицу! И ещё, говорят, теперь будет неурожай.

Получается, из-за нас всё сорвалось? Но с чего бы господину Сётомону быть таким трусом? Или кто-то ему намекнул насчёт важной особы. Или это правда такие носилки? И страж при них...

Только хотел допытаться у сестрицы, как вижу: Селезень сидит надув щёки и щурится. Вы, мол, меня не дослушали, а зря.

— А что потом было? — спрашиваю у него. — Свидетелей ограбления нет?

— Свидетели есть всегда, — веско говорит он. — Сам старик, правда, перепугался, двух слов связать не мог. Но напали-то на нашей улице! Где не всем озоровать можно! Я сбегал, спросил, кого следует. Оказалось — ничего, эти вроде как местные. Мы их недавно искали, вместе с полосатыми носилками. Они этого Ливня таскают, а в свободное время — стариков обижают. Нехорошо!

— Так. Если это носильщики Сётомона, то заказчика далеко искать не нужно, — заключает сестрица. — Кто ж такое опасное дело чужим слугам доверит?

Селезень склоняет голову: если что, госпожа, только прикажите!

Но ведь всё сходится. Мальчика Саруко лицедеи с собою не привели. А Сётомон на это рассчитывал. Да и я тоже... Что делает Сётомон? Решается украсть у нелюдей их яшму ценою в двадцать городов. А потом обменять на Обезьяныша. Хороший замысел, кстати. Только он нас не учёл!

Сестрица со своей дикаркой ещё полночи шептались на женской половине. Но Селезень никакого приказа не получил. А я обдумывал сложившееся положение. И обдумал.

На следующее утро подтвердилось то, что я уже подозревал. Когда батюшка в Приказе — меня заваливают бумагами выше головы; батюшка на задании — я в простое. Было бы обидно, но сейчас это кстати. Наведался в хранилище, посмотреть, что там есть на Сётомона. Ничего особенного.

Но в любом случае главного, в чём можно обвинить Летнего Ливня, в его деле ещё быть не может.

Его, однако, в Приказе всю обсуждают. Среди рассыльных есть малый из семьи с той же Восьмой улицы — сам он на вчерашнем представлении не был, но ему родня всё рассказала. Как господин Сётомон решил блеснуть перед своей зазновой, устроил праздник, который ему не то чтобы по средствам, и даже зазноба-то прибыла — только не одна, а с кавалером, лихим воякой. А потом всё кончилось полным провалом, представление не доиграли, лицедеёв обидели — и их храм тоже, один из нелюдей о том распинался! — дама удалилась, даже не простившись и не дождавшись, чем дело кончится... А чувствительный Летний Ливень от огорчения захворал и сегодня даже на службу не явился.

Так что я несколько часов поскучал, повывражал готовность переписывать, всем надоел, а потом стал отпрашиваться у столоначальника: средний советник ещё не вернулся, я в доме — старший мужчина, сами понимаете, семейные дела, наверстаю, если надобно, ночами при лунном свете... Столоначальник улыбается:

— Конечно, наверстаешь. Ночами или днями — сам разберёшься. Но чтоб через два дня вот это было переписано! — и любезно пододвигает мне пачку грамот в пядь толщиной. Не мог утром мне их дать! Но — отпустил.

Грозен вид Государева доверенного, прибывшего в казённых носилках со свитой в восемь молодцов. Но страшнее поступь пешего Полотняного чиновника, скромно пришедшего без охраны. Ибо тайные дела пострашнее явных.

Привратник начал было: у господина дни затворничества... Я назвался и выразил готовность скрасить его уединение. Во двор пустили, пошли докладывать.

Я ещё вчера видел тут строение вроде бревенчатого хлева. Ещё подумал: неужто Сётомон и возок держит, и носилки? Для нас вот, скажем, это слишком накладно... Сейчас из этого сруба раздаются звуки. Не похоже, что вол мычит. Скорее, кто-то колотится о дверь и непристойно бранится.

Слуга извиняется, мотая головой в ту сторону:

— Праздник давешний... Иные набрались, не соблюдая меры... Пока не проспится, на улицу выпустить стыдно...

Хозяин усадьбы будет со мною разговаривать из-за раскладной ширмы. Снаружи она облеплена листками с надписью «зарок!», всё как положено.

Кланяюсь, не видя, кому. Сажусь, кладу перед собою связку бумаг. Стараюсь показать, что волнение берёт во мне верх над учтивостью, и сразу приступаю к делу:

— Следовало бы оставить сокрытое сокрытым, но несколько часов едва ли имеют значение... Любезный гостеприимец — сосед моей родни, могу ли скрыть: сейчас Приказ расследует дело о похищении чиновника. И все подозрения, увы, стянулись к этому дому. И даже — лично к господину Летнему Ливню!

Из-за ширмы отвечает голос — судя по вчерашнему, это правда Сётомон:

— Удивительно! Удивительно! Как такое могло случиться? Не смею предположить ошибки опытных следователей — но предполагаю коварный навет!

— Об источниках изначальных сведений, увы, должен умолчать. Но и сам пребываю в недоумении: как это смотритель Высочайших Одежаний явил вчера подобную опрометчивость? Не мог же он не ведать, что уже несколько дней и сам, и люди его пребывают под бдительнейшим наблюдением? И вдруг — стычка прямо на улице, с кровопролитием! Такой внезапный промах!

Господин Сётомон испускает вздох, бумага на ширме трепещет. Помедлив, он начинает:

— Увы мне! Грубые, неотёсанные служители позорят хозяйский дом...

Отлично, по крайней мере нападения не отрицает.

— Прав был мудрец Коси, — продолжает он. — Иное шутовство кары заслуживает, а не награды! Я этих плясунов нанял, и они же распускают обо мне гнусные слухи...

— И мы знаем, для чего ты их нанял!

Немедленного ответа не следует, за ширмой — потрясённая тишина, так что я продолжаю наступление:

— Похитить отрока из знатнейшей семьи, пребывающего на Государевой службе, руками чужими и притом нечистыми — не безумие ли? Натолкнувшись на неверность сообщников, учинять с ними драку посреди Столицы на виду у всех соглядатаев — не глупость ли? Сказано: кто не бросится на помощь тонущему дитяти — не человек, но зверь! Как же назвать тогда тех, кто нарочно ввергает дитя во смрадную трясиину, лишь бы спасти потом на виду у честных людей?

Иными словами, Сётомон не обмен замышлял. Он выкрал мальчика, лицедеи ему помогли, а вчера он должен был обнаружить Обезьяныша на представлении и торжественно вернуть домой. Так, по-моему, сейчас получается. Непонятно, при чём тут тогда личина, но с этим потом разберёмся.

Ну же! Что скажешь, господин Летний Ливень?

— Хорошо, буду прям, — удручённо говорит он.
— Я был так низок, что выслушал из презренных уст бесчестящее предложение. Но какому зверю уподобили бы меня, если бы я берёг свою честь, когда позор грозит той, кого я люблю? Я согласился. Выполнил условия этих... шутов. Устроил им выступление, заплатил вперёд. Ничего не получил. Кроме шума на всю Столицу. И пуших подозрений против меня же самого.

Аварэ! Какая всё же сволочь этот Блошка! Выходит, он не мне одному предлагал добыть Обезьяныша, а ещё и этому... нежному влюблённому. Или Блошка — мне предлагал, а кто-то из его шайки — другим. Хуже всего, что если Сётомон не врёт сейчас, то я влип глубже некуда. Безосновательное превышение полномочий, выдача тайны следствия, а заодно и семейных тайн, и при этом — ни на шаг не продвинувшись к маленькому Саруко. Если тот вообще ещё жив.

Ну и что мне теперь остаётся? Не в отставку же подавать через пару месяцев службы, не в монахи постригаться! Значит... значит, Сётомон лжёт. И уж раз я ухватил тигра за хвост — теперь нельзя этот хвост выпускать. Терять мне нечего.

— Был бы этот отрок просто чиновником, — говорю я, стараясь, чтоб в голосе моём звучало сострадание. — Но зачем ты в жреческие-то дела полез? Этим же не только Приказ сейчас занимается. И — уже — не столько.

— Мои намерения были чисты, — отвечает Летний Ливень, но без прежнего пыла, — Я хотел спасти...

Пусть он меня не видит, но я скорбно качаю головой:

— Что ты хотел — имело бы значение в случае успеха. Но ты всё провалил. Теперь благие намерения уже не важны. Важно то, что ты знаешь больше, чем подбавляет.

Кажется, его наконец пробрало. И он вспомнил,

что говорит не только с Полотняным чиновником, но и с родичем главы Обрядовой палаты:

— Но что же мне делать?

Вот он, решающий миг!

— Сдавать всех и бежать, — говорю я ледяным голосом. — И надеяться на то, что причиной побега будут признаны твои должностные упущения.

Он выбирается из-за ширмы. Одна из причин удаления написана у него прямо на лице: белила не скрывают здоровенный синяк под глазом.

— Дурно со стороны хозяина, — бубнит он, — выдавать слугу, даже если тот прослужил ему всего день. Но, кажется, иного выхода у меня нет.

Выходит на крыльцо, спускается во двор. Я за ним. Он велит отпереть тот самый сруб.

— Забирайте этого негодяя, делайте с ним, что сочтёте нужным. А я... Сердце моё разбито.

На свет из хлева бросается, головою вперёд, какой-то человек, но спотыкается на пороге и рушится к нашим ногам. Поднимает от земли длинноносое лицо и хрипло кричит:

— Карура! Верни!

Эге, да это ж давешний лицедей, Блошкин начальник! Руки скручены, ноги, похоже, плохо держат. Никакой брагой от него не несёт.

Господин Сётомон удаляется к дому, прикрыв лицо рукавом. Я присаживаюсь около носатого, но на расстоянии. Как бы он меня не цапнул — зубами или уж чем достанет. Местные слуги держатся поодаль.

Сквозь зубы спрашиваю, по возможности спокойно:

— Где мальчик?

Лицедей пробует подняться, но пока без толку. Он очень грязен, и как я вижу, крепко избит. Хрипит тихо:

— Не знаю. Он был... Исчез. Надо вернуть Ворона. Он-то здесь. Он-то знает...

— «Ворон» — это личина?

— Ворон — это Ворон. Карура. Истребитель гадов.

Ладно — смотритель Одежаний. А я-то зачем полез в обрядовые дела? «Карура», наверное, переводится как «ворон».

— Что значит «здесь»? Как понять — «вернуть»? Что он знает?

И куда — и откуда, собственно, — исчез Обезьяныш? Из нелюдского посёлка? Когда? Пока лицедеи тут выступали?

— Здесь в доме. Я чую. Я его всегда чую... А-аа!

Тут он рывком вскидывается на колени. А из дома раздаётся отчаянный крик господина Сётомона.

— Там! — носом и подбородком указывает лицедей куда-то вверх.

— Сюда! На помощь! — вопит хозяин. Слуги побежали к нему.

На крышу дома, на самый конёк, выбирается нечто. Всклощенное, пучеглазое, с огромным клювом. Похоже не на ворона, а больше на небесного пса.

— Карура!

Очень знакомая рубаха в горошек у этого чудища. И голова кучерявая, а не пернатая. Подпрыгнуло, помахало рукавами и полетело: с конька на край крыши, потом на землю, дальше на забор — и в сад соседней усадьбы. Бросаюсь следом. Слышу только, что носатый уже поднялся и пытается поспешать за мной.

Намма-старший, следователь Полотняного приказа

Обитель Неизбежного Спасения оказалась несколько дальше от Столицы, чем помнилось Намме, так что прибыл туда он уже в сумерках. Пришлось там и заночевать, в обратный путь он пустился уже наутро. Кое-что выяснить удалось — хотя и не то, что ожидалось.

Настоятель принял Полотняного чиновника приветливо, и уже через час беседы сообщил: монах, звавшийся в миру Райбоку, уже года полтора как скончался. Примерно одновременно со своим двойником, получается. Устав соблюдал, знания выказывал скромные, но зато и не превозносился, обитель щедро одарил. В близкое товарищество ни с кем из братии не вошёл. Никакого предсмертного завета не оставил. В общем, пусто.

Келью его средний советник осмотрел, но тоже впустую: там уже обжился новый насельник. Никаких бумаг по щелям не спрятано, никаких признаний на стенах не накарябано.

И только под конец беседы настоятель заметил:

— Память о нашем собрате, однако же, живёт. Вот и ты им любопытствуешь, и тот юноша...

— Что за юноша? — насторожился Намма. Настоятель разулыбался:

— Прошедшей осенью к нам забрёл обезьяний вожатый. На первый взгляд, обычный попрошайка. У него, мол, зверушка учёная сбежала, и вот, он решил проверить, не привлёк ли её сюда свет веры. Ибо даже обезьяна, сидя на крыше храма, может достаточно послушаться святых наставлений, чтобы в будущей жизни возродиться человеком в достойной семье... Обезьяны, впрочем, у нас не нашлось. Юноша стал расспрашивать о здешних чудесах и о монахах, известных своею праведностью. И особенно о том же нашем собрате, о ком и ты. Хоть и был оный малый облачён в рубище, хоть и вставлял порою слова грубые, простонародные — однако и по речи, и по повадке было заметно: не всю свою жизнь влачил он подобное существование. Более того, сдаётся мне, ни до, ни после паломничества в наш храм он его вообще не влачил.

— Очень любопытно!

— Вот и нам так показалось. Ну, скрывать нам было нечего — поведали ему всё, что он стремился

узнать о нашей скромной обители. Я сам нарочно проверил: о чём бы ни шла речь — он её искусно сводил всё к тому же усопшему. Тоже нашёл повод на келью его полюбоваться, на дары, в храм пожертвованные, и последние слова покойного жаждал услышать. И украдкой слёзы отирал. А потом заказал поминание о своём отце — ибо, по его словам, поучительная наша беседа напомнила ему о сыновнем долге. Тут-то мы и сложили два и три. Но, коли уж юноша приложил столько усилий, дабы остаться неузнанным, то и мы не стали личины с него срывать.

— Так... А потом?

— А потом он отправился восвояси. Мать его, видать, не из самой состоятельной семьи, так что дополнительных подарков после не приходило.

Средний советник воздал должное уважение почтителю сыну и подробнейшим образом расспросил о его внешности и приметах. Как и следовало ожидать, все монахи сходились на том, что на покойного он похож был как родной — несмотря на неподобающую одежду. Лет ему на вид шестнадцать-семнадцать, в движениях лёгок, образованности всячески старался не выказывать.

Раз так, то и следователь Полотняного приказа пожелал осмотреть те дары, что преподнёс в обитель бывший господин Райбоку. Богатые дары. По уточнению храмовых знатоков — старинная и редкая утварь, несколько книг. И даже святыня: писчий прибор, некогда принадлежавший наставнику Камю, великому мастеру кисти. Впрочем, в ценности всего этого добра Намма и не сомневался: помнил по переписи взяток, которые Райбоку с двойником вытянули из поземельных чиновников. Где хранятся или куда проданы эти вещи, двойник так и не признался.

Итак: двойник пережил казнь и стал нелюдем. А господин его избежал позора, и, уходя в монахи, имел наглость прихватить с собою часть добычи. Уверен был, что монахи не выдадут или не станут разбираться. То

есть никак не получается, что Райбоку пребывал в неведении о проделках своего слуги. Веское было бы основание для пересмотра дела — кабы не было поздно.

Что же до юноши, — думает Намма на обратном пути в Столицу, — то о нём можно рассудить тройко. Или кто-то из жертв вымогательства все эти десять лет не оставлял поисков, а может, недавно взялся за них, в надежде выследить семейное сокровище. Или это внебрачный сын покойного Райбоку — только почему-то никто о нём раньше не знал, даже слухов не ходило. Или, наконец, это и вправду обезьянщик и почтительный сын. Безушкин. По возрасту подходит к его младшему отпрыску, лицедею, которого Намма так и не видел.

Так что в городские ворота средний советник заезжать не стал, а сразу отправился в храм Целителя.

И в храме, и в посёлке суета. Нелюди кучками стоят у берега, переговариваются, размахивают руками. Несколько монахов выходят из одной хибарки, озабоченно направляются к другой. Трёх суток не прошло, а наставник Якурэн всё-таки устроил обыск у своих подопечных?

Самого Якурэна пришлось дожидаться. Пришёл, запыхавшись, весь в пыли, явно не из лечебницы, а откуда-то со двора.

— Ну, и как? — спрашивает Намма.

Монах отирает ладонью бритую голову:

— Мы его нашли. И опять потеряли. Ищем заново.

— А подробнее?

Картина получается такая. Письмоводитель Саруко действительно скрывался среди лицедеев. Они ему понравились ещё на отборочных выступлениях в Обезьяньем доме. Это те самые лицедеи, с которыми работает младший сын Безушки. Почему они мальчика сразу не отвели к начальству — ещё предстоит выяснять. Сейчас от них не добьёшься никакого толку. Вчера днём у них украли главную личину для весенней пляски,

прозываемую Вороном Карурой, а ночью исчез и лучший плясун — наследник главы семьи.

— А мальчик?

— Здесь не всё ясно. Ко мне пришёл один из лицедеёв и признался: некий знатный отрок шесть дней назад изволил примкнуть к ним и начать изучение обезьяньего искусства. Отказать ему они не посмели. Но теперь, после пропажи Ворона и Ворона... сиречь личины и плясуна — отрок обеспокоен и счёл за лучшее перебраться из посёлка в место потише. Пока нелюди выясняют, как так вышло и кто виноват. Тот парень, Блошка, взялся помочь гостю и подыскал ему надёжное укрытие. К несчастью — в лечебнице. Кто, мол, к заразным сунется?

— Да уж!

— Там у Блошки брат на лекаря учится. Да вы его видели. Безушкин сын. Мальчик согласился: сказал, что человечесьи болезни ему не страшны, только обезьяньи. Когда я об этом узнал... Как только смог, поспешил туда. Только это больше времени заняло, чем... В общем, никакого отрока там уже не было. Лекари заняты больными, больные — кто молится, кто стонет, кто обсуждает, какие ценные снадобья можно приготовить из жил и печени обезьяны...

— Он что, назвался при них настоящим именем? Или ученики твои при всех проболтались, что это Саруко?

— Он одет был в обезьянью шкурку. Не настоящую, для пляски.

Средний советник прикрывает глаза. Надувает щёки, с тихим присвистом выдыхает. Ровным голосом спрашивает:

— А дальше?

Якурэн хмурится:

— Привратники клянутся, что за ворота никакой ребёнок не выходил. И груза тяжёлого не выносил никто. Обыскали всю обитель — ничего. Сейчас проверяем посёлок, на всякий случай. Только и по

обрыву ведь вскарабкаться мальчишка мог. Но это трудно — не замеченным. Или в реку кинуться. Наши лодки все проверены, но могла и чужая его подхватить. Если повезло. Или на тот берег переплыл... Он плавать-то умеет?

Должно быть, считает, что да: как и все обезьяны.

Что делать с этим монахом — потом. Сейчас надо найти Саруко.

Ещё раз: что Намма о нём помнит? От страха может оцепенеть, а может кинуться, куда глаза глядят. Сюда, правда, его привёл не страх, а скорее, обида. И вот только теперь он по-настоящему испугался? Или опять обиделся, только ещё больше? Мальчик тихий, но способный. Выдержанный: удрав от госпожи Хоннэн, не вдоль по улице пустился, а засел в ближайшем укрытии и дождался, пока его перестанут искать на этом углу. Умеет убедительно вести переговоры: что с пирожником, что, видимо, с лицедеями. Любопытствовал насчёт слонов и тигров, заморских стран... ну, откуда тут взяться тиграм?

— Какие-нибудь изваяния слонов в обители есть?

Монах, надо отдать ему должное, и бровью не повёл:

— Только картинки в свитках. Из изваяний у нас всё больше будды да демоны... Но мы уже смотрели: в пустотелых статуях он не прячется.

Ладно, дальше. Если в страхе мальчик всё-таки ведёт себя по-обезьяньи — куда он мог податься? На дерево залезть и притаиться? Намма выходит во двор, осматривает деревья, особенно те, что повыше. Кроме птиц там, похоже, никто не гнездится. Да и сами деревца — невысокие, разлапистые, самое высокое — вполовину храмовой башни... Ага!

Самый высокий и толстый ствол в любом храме — это тот столб, вокруг которого возводится башня. Опора для всех балок на всех пяти ярусах. И место тихое: внутрь заходят разве что для починки, раз в несколько

месяцев, а то и лет.

В здешнюю башню, однако, заглядывали совсем недавно — во время поисков? Или помимо поисков? Так или иначе, на засове пыль стёрта.

— Здесь смотрели?

Якурэн поводит плечами:

— Разумеется. Ни в одном углу никого не нашли, кроме мышей.

— Что ж. Распорядитесь пока этого вашего Блошку поместить под бдительный надзор. Чтоб ещё и он куда-нибудь не делся.

Без дальнейших промедлений следователь отодвигает засов. Входит. В свете, что падает через дверной проём, видно: да, все углы облазили. Все следы, если те и были на полу, затоптали. А вот на столбе — какой-то след. Отпечаток лапки. То ли детской, то ли обезьяньей.

Средний советник прикрывает дверь, впотьмах подходит к могучему столбу. Вспомнить бы, что там древние писали на стенах китайских башен?

Размеренным голосом начинает:

*Подымусь на пять ярусов, башня —
высока-высока!*

На четыре стороны гляну — а на сердце тоска.

*Позади остаётся Столица, впереди — горный
путь...*

Запнулся, умолк. Ждёт. Наконец, откуда-то сверху тонкий голосок подсказывает:

...Далеко убегает дорога — ничего не вернуть!

Намма поднимает лицо. Глаза уже привыкли к темноте, да и не такая уж кромешная тьма в башне — сквозь щели в стенах проникают тонкие лучи. Где-то на балках третьего яруса сидит, съёжившись, человек. Глаза блестят.

— Точно — не вернуть? — серьёзно спрашивает средний советник.

Сверху — вздох:

— Не-а... Стыдно.

— И куда ж ты теперь?

— Наверное, дальше. До самого моря. И — за море. В Китай.

Говорит грустно, но решительно. И никакой одержимости, похоже, нет. Пока, по крайней мере.

Средний советник склоняет голову набок:

— Службу, значит, бросишь?

И вот тут Обезьяныш не выдерживает. Вроде бы тихо, но всё равно — кричит:

— Какая служба? Меня же всё равно никто за настоящего писмоводителя не считает! И за жреца — тоже! И вообще — ни за человека, ни за обезьяну! Будто я маленький! Дома опозорили, мой подарок не отдали. Ничего, мол, у тебя своего нет. Даже если раньше говорилось: «Твоё!» Лицедеи здесь вроде бы настоящие, но чуть что — сразу решили меня кому-то продать! Или выменять! А у монахов вообще съест хотели и жилы вытянуть! Разве с Государевыми чиновниками так поступают?

И жилы тянуть, и слопать на службе, конечно, вполне могут. Но всё-таки — в переносном смысле. Так что Намма соглашается:

— Да, нехорошо. Неправильно. Только не надо, чтоб ещё хуже вышло. Насчёт Китая ты хорошо придумал, но подготовился из рук вон плохо. Ну, доберёшься ты до моря — и что? Будешь ждать на берегу судна, что в Китай идёт? Так они не каждый год туда плавают. Или положишься на первую попавшуюся медузу, что отвезти возьмётся?

Сверху — фырканье:

— Нет уж! А... как тогда?

— У меня, — говорит следователь, — родич служит там, в Китае. Я мог бы списаться с ним, договориться, подготовить всё. Но это, сам понимаешь,

потребуется времени. Море широко, земля китайская обширна — быстро не выйдет.

Отчасти это даже правда. Брат госпожи Наммы несёт как раз такую службу за морем. Только вот вестей от него не приходит уже несколько лет...

— Здесь я долго жить не смогу, — сообщает Саруко. — Мне отсюда бога почти не слышно.

— И здесь нехорошо и домой — нехорошо... А может, во Дворец, в Палату?

— Ээ, — кряхтит он по-обезьяньи. — Мне там такое будет... Я сколько прогулял-то!

Сообразил про себя, спрашивает:

— Это тебя из Полотняного приказа за мной послали? За нерадение?

— А ты что, в темноте видишь, с какой я службы? — удивляется сыщик.

— Ага, вижу немножко. И я тебя ещё сверху во дворе заметил.

— Ну, последние дней пять тебе во Дворец и нельзя было... Но очищение можно пройти. И вернуться к должностным обязанностям.

Обезьяныш зашевелился. Сверху посыпалась пыль.

— Не получится, — вздыхает. — Туда сразу Дедушка придёт. И тогда мне — или ему перечить, или признавать, что он был прав. А он был неправ.

— И я так считаю, — соглашается Намма. — И сам господин Саруко, похоже, уже тоже понял, что был неправ.

Это, конечно, изрядное преувеличение. Но да вразумят главу Обезьяньего дома все боги!

Саруко-младший, похоже, тоже сомневается. Заявляет с балки:

— Тогда давай так? Пусть мой подарок сюда приведут и вручат как положено. А потом я пройду очищение и отправлюсь в Палату. А ты напишешь своему родичу в Китай и обо всём договоришься.

Средний советник с облегчением соглашается.

Неужели получилось? Нет, у Обезьяныша, оказывается, есть ещё одна забота:

— И ещё — на мне долг благодарности.

Понимаешь, тут один нелюдь мне жизнь спас...

— Это Блошка, что ли?

— Угу. Он хороший. Может, ему тоже очиститься можно? У него скверна не очень въелась, я смотрел!

— Я попробую, — обещает следователь Намма. — Посмотрим, что тут можно сделать.

Намма-младший, письмоводитель Полотняного приказа

Духи, говорят, летают строго по прямой. Не знаю, как другие, но наш Ворон именно так и поступает. Через заборы, сады и задние дворы — на восток по Восьмой улице. Если я верно понимаю, куда он направляется, скоро ему придётся пересекать главную городскую площадь. Главное — чтобы его там не поймали посторонние прохожие. Или стража.

Мы отстаём, хоть и бежим по улице. Я — потому что в должностном платье, а лицедей, во-первых, хромает, во-вторых, то и дело замирает с дурацким видом. Ищет мысленно своего Каруру, потом машет рукой: туда! Будто я сам не знаю.

На площади небесный пёс нас опередил — судя по шуму и суете. Детей прячут, кличут стражников — значит, не поймали. Продвигаемся дальше. А навстречу нам — уже вся Восьмая бежит ловить чудовище. В храбрости столичным жителям не откажешь. И сообразительность их меня тоже устраивает.

У ворот сестриного дома я хотел было дать знак лицедею, чтоб он снаружи подождал, а то опоганит... Но понял, что это бесполезно: носатый почуял близость своего Ворона, ломится вперёд. Велю всё же ему быть осторожнее — и захожу.

Двор пуст, Селезня не видно, но с крыльца

женской половины слышен голос его жены, Уточки — пронзительный и гневный:

— Куда ж ты прёшь в таком виде! Я сама чуть не обмерла, как тебя увидела, а маленькие..

Вклинивается голос кого-то из ребятишек:

— Матушка, а давай я спрячусь и скажем, что меня взаправду небесный пёс украл! А потом вернул. И научил летать и драться всем на свете!

— Только этого не хватало!

— Я выполняла распоряжение! — отбредивается Рю. — Барышня, ну скажи ей!

Так. Значит, моя сестрица тоже тут. Ну, как же иначе.

Подхожу к крыльцу, уже всех видно — и сестру в доме за занавесом, подол торчит, и Уточку с детьми, и Рю с клювастой личиной. Только открыл рот — а лицедей над моим ухом как рявкнет:

— Отда-ай!

Рю строит ему рожу: с чего бы это, мол? Носатый рванулся было к крыльцу, но я уцепился ему за рукав: погоди, мол. Эх, теперь не миновать очищения!

— Мы пришли, — сообщаю я. — У этого достойного человека... точнее, не человека... а ещё точнее, у его отца... почтенного, хотя и осквернённого родителя, негодяи отобрали на улице эту... обрядовую принадлежность.

— Тебе вообще нельзя её трогать! — голосит лицедей. — Бабам — нельзя!

— Какая я тебе «баба»? — сварливо отвечает Рю. — Ослеп что ли: я — девица! Маленькая! Детям можно, это я точно знаю!

Носатый, кажется, озадачен. Пока он молчит, я продолжаю:

— Было бы достойно с нашей стороны воспользоваться случаем и возратить несчастному, обездоленному плясуну...

— Рано, — заявляет сестрица. — Пусть он сперва объяснит, что это за штука, и вернёт мальчика.

Лицедей вскидывается, потом машет рукой и уныло опускается на землю:

— И вы туда же... «Мальчика»! Знал бы я, во что этот парнишка нам встанет, я бы его сразу...

И осёкся. Помолчал, прислушался к крикам за забором. Начал:

— Это — Карура, Истребитель Гадов. По-нашему — Ворон. Без его пляски рассада погибнет, а что уцелеет — то гады попортят. Мы с ним пляшем, каждый год. Раньше он с отцом был, потом — со мною. Как теперь будет — не знаю. Может осерчать.

— На кого?

— На всех!

— Ясно, — говорит сестрица, будто и вправду поняла. — А мальчик что?

— Он сам навязался на нашу голову! Пришёл, говорит: буду учиться лицедейству. Обезьяньей пляске. Отец сразу сказал: за этим мальчишкой его бог стоит. Какой — не знаю. И знать не хочу.

— А нельзя было хотя бы в ваш храм о нём сообщить? — спрашиваю. — Раз уж вы не знали и не ведали, из какой он семьи?

— Это не моё дело, — ворчит носатый. — А отец — может, и сообщил... Вообще-то нам обезьяна уже давно нужна была. Наша слишком выросла — на то даже сам господин Саруко указал. Указал — а через несколько дней к нам заявляется обезьянка. Прикажете думать, что это не по его воле?

В общем, такой ход мысли я могу представить. Мало ли как в иных семьях избавляются от родичей. Своих или чужих.

— С пляской-то у него неплохо пошло, — продолжает лицедей, — дар есть. Для обучения он вообще-то уже староват, но опять же — отцу виднее. Только вот скоро поступает заказ с вашей улицы, от государева одевальщика, насчёт представления. Мы пришли, отработали. А заказчик — Каруру требует сплясать. Не надо было! А отец согласился, отправился

в посёлок за Вороном — а по дороге на него напали. И Ворона отняли.

— Это мы знаем. А потом?

— А потом приходит человек от этого господина и говорит: давайте меняться. Вы нам — парня приبلудного, мы вам — вашу личину. Она, мол, у нас. Ну, тут началось! Наши кричат: надо соглашаться! Отец сетует: Ворон разгневается, с ним же только мы ладить можем, он теперь полгорода снесёт! А я говорю, стыдно нам за своего бога так торговаться! Пошёл за ним, хотел вернуть. Тут меня и скрутили.

— А мальчик?

— Я-то почём знаю, что с ним потом случилось? Я взаперти сидел! Всё вам рассказал. Теперь — отдайте!

Сестрица задумалась. Я говорю:

— Тут ты прав: выкуп платить за богов — не дело! А если мы тебе Ворона так, по-хорошему отдадим — вы мальчика отпустите?

— Ежели он ещё жив — да забирайте на здоровье! Глаза б мои на него не глядели!

Просто так личину по городу нести, конечно, нельзя. Рю была бы не прочь и дальше на себе её таскать, но тут даже сестра запретила. Нашли плоский плетёный ларь с крышкой, куда Уточка на лето зимнюю посуду убирает. Выстлали ватой, тканью. Лицедей бережно устроил там своего Ворона. И двинулись на берег — он, я и Рю на всякий случай следом. Я Уточке подмигнул — если что, авось, и муж её подоспеет.

Намма-старший, следователь Полотняного приказа

Средний советник Намма написал в дом Саруко, господину и госпоже Гээн. В осторожных выражениях сообщил, что мальчика нашёл, и попросил привести его коня к храму Целителя. И сюда же прислать одежду, чтобы молодой господин мог подобающе одеться после

очищения. К себе домой за сменой платья Намма тоже послал. А к Гээнам особо взмолился: как-нибудь устроить, чтобы сюда не примчалась вся семья Саруко с домочадцами и слугами и не спугнула Обезьяныша.

Тот спустился с балок, сидит на крыльце храмовой башни. Дверь оставил открытой, готов в любой миг — или обратно наверх, или ещё куда-нибудь.

Не каждый день увидишь Государева чиновника, облачённого в шкуры. Обезьянья одежда ему ещё и велика, выглядит как на сильно исхудалом звере.

Сидит, молчит, поглядывает на монахов. Они собрались вокруг башни, стерегут. И досточтимый Якурэн тоже здесь, молится.

Напуган юный господин Саруко? Устал? Голоден? Наверное. И всё равно, главное, что написано на его чумазой мордочке, — упрямство. Родовое упрямство потомка богов-сподвижников Великого Властителя Земель.

А ведь сыщик Намма ещё немного — и предложил бы крайнее средство. Ужо скажу, мол, самому Государю, что ты от него бегаешь... Новое правление, новые нравы. Препрежним государем детей не пугали.

И тем не менее, надо благодарить всех богов — кажется, управились с этим делом раньше, чем оно возбудило внимание отрешённого государя. Или господина главы Обрядовой палаты.

Отлучиться отсюда Намма, конечно, не решается. Лицедея Блошку велит доставить прямо к башне. Два монаха покрепче отправляются за ним, приводят. Маленький Саруко первым милостиво кивает ему, парень низко кланяется и подмигивает.

На отца, насколько помнит следователь, этот Блошка вправду похож.

Подоспели и его мать, и даже брат. Падают в ноги, готовятся молить о пощаде.

Нудным казённым голосом Намма сообщает:

— Имеется ходатайство молодого господина Саруко, письмоводителя Обрядовой палаты. О

возвращении вашей семьи в люди. В связи с оказанными ему ценными услугами. Как я уже объяснял, сыскной отдел Полотняного приказа возражений не имеет.

Блошка, подпрыгнув на коленях, начинает бить челом и благодарить. Успеваает кланяться сразу в три стороны: Обезьянышу, Якурэну и сыщику.

— Никуда я отсюда не пойду, — мрачно молвит глава его семьи. — У меня тут больные.

— И тебе бы не стоило... — обращается мать тихонько к младшему. — Сгинешь там, как отец...

— Отец, матушка, сгинул как раз тут, — почтительно поправляет Блошка. — Отринуть же милость господина было бы с моей стороны преступной неблагодарностью.

— Ты не горюй, — говорит старухе Саруко. — Я о нём позабочусь.

— Ну, пусть так, — вздыхает старший брат.

Мать плачет. Блошка подмигивает ей — и заодно Якурэну:

— Ничего. Я приходить буду. С гостинцами.

От ворот храма слышится шум. Лошадиное ржание — будем надеяться, это ожидаемый конь. И крики, сразу несколько голосов, но громче всех один:

— Кыш! Это со мной.

Важной, хоть и нетвёрдой походкой на храмовый двор входит носатый нелюдь с корзиною в охапке. Ворон! — ахает кто-то из монахов. Следом шествует письмоводитель Полотняного приказа. Растрёпанный, шапка набекрень — позор, да и только! А снаружи в ворота заглядывает девица Рю. Ну, как же без неё...

Очищаться отправились целой толпой. За одеждой, конечно, пришлось посылать ещё одного гонца — Намма-младший и Рю скверны не избегли. Но с ними, как и со средним советником, жрец управился довольно быстро; иное дело — отпрыск Обезьяньего дома и многолетний нелюдь. К тому времени, как обряд

закончился, идти во Дворец всяко было поздно.

Некоторое время средний советник Намма ничего не говорит — только выразительно смотрит на своего письмоводителя. Но Намма-младший, вопреки обыкновению, не дуетса, не воротит нос и не оправдывается. Отвешивает почтительный поклон и заявляет:

— Что ж, так или иначе мы удовлетворили просьбу Обезьяньего дома! И почти что втайне.

— Да конечно же, в полной тайне, господин! — поддакивает девица Рю. — Никто даже не заметил. Все ловят небесного пса.

— Кстати, да, — кивает письмоводитель. — Если что — известна склонность этой породы к похищению малолетних детей.

— Надеюсь, это не понадобится, — сухо отвечает средний советник. И вдруг, усмехнувшись, отвешивает сыну ответный поклон:

— Почтительно и настоятельно прошу господина письмоводителя впредь заранее ставить меня в известность о своих отлучках с места службы. Во всех подробностях, понял!

— С готовностью повинуюсь! — Намма-младший склоняется ещё ниже.

Стоят посреди улицы и кланяются. А поезд из Обезьяньего дома двигается мимо к святилищу. Человек сорок, не меньше.

Намма-младший, письмоводитель Полотняного приказа

Вечером, после ужина, сидим дома; сестра ещё раньше тоже вернулась с Восьмой улицы к нам. Батюшка потребовал подробнейшего отчёта. Выслушал, попенял на несогласованность действий, указал на все роковые ошибки, ещё раз зачем-то напомнил о необходимости сохранения строжайшей тайны.

До чего всё-таки здорово вот так — сидеть всей семьёй и обсуждать завершённое дело! А не подслушивать из-за перегородки, как отец толкует о чём-то таком с сестрицей.

Мачеха ахает; сестра улыбается, рассеянно крутит что-то в руках... Батюшка тоже обращает на это внимание.

— Погоди, — изменившимся голосом говорит он.
— Что это у тебя?

Сестра смотрит на свой кулачок, в котором зажата боевая стрела.

— А, ничего страшного, — говорит она. Это новый обычай. Когда я пришла, а вас ещё не было, какой-то копьеносец принёс мне послание от своего начальника. Привязанное, видите ли, не к цветущей ветке, а к стреле!

— Это на самом деле очень старый обычай, — поправляю я, но отец резко перебивает:

— Что за письмо?

— Да просто стихи, — поводит плечами сестра. — Доблестный воин покидает Столицу и предлагает мне бросить мужа и бежать с ним на дальний Север. Я, конечно, отказала, но всё равно приятно!

Ох, беда! А я-то так и не отправил стихов той девушке из Обезьяньего дома... Ну да ладно, всё равно теперь поздно, она, наверное, уже обиделась.

* * *

До весенних плясок — два дня. Всех, кого следовало, уже просмотрели, оценили, допустили или отвергли. И во дворе Обезьяньей усадьбы кажется тихо. Хотя лицедеи тут всё равно упражняются — один побольше, другой поменьше.

— Просто Обезьяна у тебя, конечно, хорошо выходит, — говорит старший. — Да оно и не диво. Но на обезьяну можно посмотреть и на живую, в смысле, настоящую... в смысле, которая с обезьянщиком ходит. А раз у тебя шкурка съёмная — значит, ты должен

показать и то, чего обезьяны не умеют. Например, научиться подкидывать и ловить какие-нибудь штуки, причём несъедобные. Сперва — две, потом — три, потом...

— Потом, — твёрдо отвечает младший. Он сейчас вообще не в обезьяньей шкуре, а в шёлковом домашнем платье. — Я сегодня уже много занимался. Теперь ты давай, Эндзиро!

Потому что челядинца в знатном доме Блошкой звать не могут. Да и перед девушкой неудобно бы вышло. Удачно получилось, что та самая особа, ради которой Блошка в чистый мир устремился — няня господина письмоводителя. Вот сидит в сторонке и любитесь. И следит, чтобы никто никуда не пропал опять.

— Чего — давай?

— Изображать столичного человека. Ты ж теперь он и есть, так что — нужно!

Эндзиро приосанивается, надувает щёки, одёргивает рукава, идёт вперевалочку. Потом спохватывается, лезет за пазуху и вытаскивает веер.

Саруко-младший хмурится, но от замечания удерживается. В конце концов, человек не привык ещё в штанах ходить. Дело наживное.

— Хорошо. И вдруг навстречу тебе — чиновник десятого разряда...

Не поймашь, Обезьяныш! Эндзиро уже заучил, что падать ниц в таком случае не следует. Просто поклониться в пояс, и веером вот так!

— Ну нет же! Это ж не старший советник перед тобою! Куда так низко кланяешься — в два с половиной раза глубже, чем нужно! — в отчаянии закатывает глаза письмоводитель Саруко. — Ладно, начинаем сначала. Пройдись и поклонись. А я за того чиновника поклонюсь.

Няня, прикрываясь рукавом, хихикает. И резко осекается, покосившись вбок.

Потому что там, на крыльце, из-за столба

выглядывает сам Дед. Глава Обезьяньего дома и сподвижник Государя. Но не гневается, а тоже беззвучно хихикает в расписной веер.

Ничего парень этот Эндзиро, способный. В отца. Следующую пачку непотребных стихов к царевичу он и понесёт.